

ДЕТЕКТИВЫ ЭНН ГРЭНДЖЕР

В лучших традициях Агаты Кристи

ТЕНИ
УБИЙСТВА

Мереди́т Митчелл и Ала́н Маркби

Энн Грэнджер
Тени убийства

«Центрполиграф»

2000

Грэнджер Э.

Тени убийства / Э. Грэнджер — «Центрполиграф»,
2000 — (Мерedit Митчелл и Алан Маркби)

Тень убийства вновь нависла над семейством Оукли, которое ныне представляют лишь две сестры-старушки Дамарис и Флоренс. И все потому, что к ним из Польши явился нежданно-негаданно молодой человек Ян и назвалcя наследником, а вскоре его нашли мертвым. Суперинтендент Маркби не сомне вается – это убийство, но, чтобы найти преступника, ему придется разобраться в семейной тайне Оукли и выяснить, что именно произошло темной ночью сто лет назад...

© Грэнджер Э., 2000

© Центрполиграф, 2000

Содержание

Действующие лица	6
Часть первая. Первая тень	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	38
Глава 8	41
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Энн Грэнджер Тени убийства

SHADES OF MURDER

Copyright © 2000 Ann Granger

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Я должна поблагодарить очень многих за советы, помощь и поддержку во время работы над этой книгой. Поэтому Спасибо с большой буквы профессору Бернарду Найту, выдающемуся патологоанатому и коллеге-писателю, автору детективов, за исчерпывающие сведения о процедуре эксгумации; музею Королевского фармацевтического общества за информацию о настойке опия; коллеге-писательнице доктору Стелле Шеперд и ее мужу Джону Мартину, которые, как и прежде, щедро делились со мной своими медицинскими познаниями; офису коронера в Оксфорде; сотрудникам Оксфордширского исследовательского центра при библиотеке Вестгейт; Дэвиду Дансеру из оксфордского совета графства, который меня познакомил со «старым» зданием суда с впечатляющим подземным туннелем, сохранившим подлинную атмосферу; моему агенту Кэрол Блейк, редактору Мэрион Дональдсон; моей многострадальной семье, друзьям и прежде всего моему мужу Джону Халму.
Э. Г.

Действующие лица

Первая тень: БАМФОРД, 1889—1890

Уильям Оукли из усадьбы Форуэйз

Кора, его жена

Миссис Марта Баттон, экономка

Уотчетт, садовник

Дейзи Джосс, нянька

Инспектор Джонатан Вуд из бамфордской полиции

Эмили, его дочь

Сержант Паттерсон из бамфордской полиции

Стэнли Хакстейбл, репортер «Бамфорд газетт»

Мистер Тейлор, обвинитель на процессе У. Оукли

Мистер Грин, судебный защитник У. Оукли

Вторая тень: БАМФОРД, 1999

Дамарис Оукли

Флоренс Оукли

внучки У. Оукли

Ян Оукли, правнук У. Оукли

Рон Гладстон, садовник

Суперинтендент Алан Маркби из регионального управления уголовных расследований

Инспектор Дэйв Пирс, его коллега

Мередит Митчелл, служащая министерства иностранных дел

Доктор Джеффри Пейнтер, специалист по ядам

Памела, его жена

Джулиет, его сестра

Преподобный Джеймс Холланд, бамфордский викарий

Суперинтендент Даг Минкин из Столичной полиции¹

Инспектор Мики Хейес из Столичной полиции

Долорес Форбс, владелица паба «Перья»

Кенни Джосс, водитель такси

Доктор Фуллер, патологоанатом

Харрингтон Уинсли, главный констебль

Дадли Ньюмен, застройщик

¹ Столичная полиция— полиция Большого Лондона, за исключением Сити. (Здесь и далее примеч. пер.)

Часть первая. Первая тень

Убийство гадко, хуже не бывает; Но это гадше, хуже и бесчеловечней всех.

Шекспир. Гамлет, акт I, сцена 5

Глава 1

1889

Кора Оукли откинулась на кружевные подушки. Пот струится по лбу, течет по носу и по верхней губе, скапливаясь в солоноватую лужицу в морщинке в углу рта. Она этого почти не замечает. Щупальца боли тянутся от пульсирующей челюсти к плечу через шею. Правая сторона лица горит огнем. Зуб вырван три дня назад, и дантист обещал, что скоро заживет.

Почему мужчины без конца лгут? Кора дотронулась до распухшей щеки и скривилась.

Комната в башне принадлежит ей с тех пор, как она впервые ступила ногой в Форуэйз. Здесь почти сплошная бархатная полутьма, только на кровать падает кружок света от лампы на ночном столике. Фарфоровая лампа разрисована фиалками. В пузатом стек лянном абажуре горит огонь, питаемый залитым в основание горючим, сердито мечется и скачет, как пойманный чертенок, желающий вырваться на свободу и сделать какую-то пакость.

«Надо сменить покои, – решила Кора. – Нехорошая комната. Никогда мне не нравилась».

Эту комнату ей отвел Уильям. Его апартаменты в другом конце дома. Не совсем нормальное устройство для супружеской пары, но так хочет Уильям – известно почему.

Как бы услышав мысленный оклик, он вошел в открывшуюся дверь с небольшим подносом и сказал, ставя его на столик у лампы:

– Ну вот, я все исполнил. Бакстер приготовил по рецепту Перкинса.

Кора взглянула на знакомую бутылочку с рукописной этикеткой «Laudanum» и надписью ниже в скобках (настойка опия).

– По сведениям Бакстера, появляются новые средства от зубной боли. А я ответил, что ты предпочитаешь известные, уже испробованные лекарства. – Он помолчал, как бы ожидая ответа, и, не дождавшись, кратко перечислил: – Вода, стакан, чайная ложечка. Сразу при-
мешь? – И протянул к бутылочке руку.

Кора перекатила из стороны в сторону голову на подушке. Пусть он скорей уходит. Она сама знает, как принимать настойку. Опиум стал старым другом, к которому взываешь из пучины черной тоски и уныния. Можно будет спокойно заснуть, забыть о безумной боли в воспаленной десне с дыркой на месте бывшего зуба. Но даже перспектива сна порождает тревожную дрожь предчувствия. В последнее время сны полны кошмаров. Сплошное отчаяние. Неужели никогда не будет покоя ни во сне, ни наяву?..

– Ну хорошо. – Уильям наклонился, запечатлел на влажном лбу бесстрастный поцелуй. – Доброй ночи.

Шагнул к двери – Кора обрела дар речи, окликнула его.

Он оглянулся, взявшись за круглую дверную ручку, вздернув темные брови. Даже в нынешнем плачевном состоянии видно, как он хорош собой. Понятно, почему в ту пору в него с первого взгляда влюбилась легкомысленная девчонка семнадцати лет. Без памяти влюбилась в насквозь испорченного мужчину.

С максимально возможной при флюсе четкостью Кора проговорила:

– Утром я увольняю Дейзи.

– Не заботится о мальчишке подобающим образом? – холодно уточнил Уильям.

– Мне не нравится ее поведение.

– В каком отношении? – Хоть он стоит в тени, на лице написано недовольство, в тоне сквозит презрение.

«Считает меня дурой», – поняла Кора. Но из-за боли невозможно спорить. Вместо этого она сказала:

– По твоей милости я в глазах всех знакомых выгляжу смешной и жалкой.

– Чепуха, – бросил он и толкнул дверь.

– Это слишком, – проговорила она, с трудом ворочая языком. – Так дальше продолжаться не может. Я больше не вынесу.

Он не ответил, вышел, она бросила вслед:

– С этим необходимо покончить, Уильям!

Осмелилась вымолвить слово, которое нельзя оставить без ответа. Он круто развернулся:

– Покончить?

Боль и отчаяние придали храбрости.

– Буду просить развода.

Уголок его губ дернулся, как бы в усмешке, но он только сказал:

– Возможно, к утру образумишься.

И ушел.

– Ну, тогда доброй ночи, мистер Уотчетт, – сказала Марта Баттон, закрыла и заперла дверь за садовником, задвинула для полной надежности верхний и нижний засовы, проверила окна. Удостоверившись, что на кухню проникнет лишь самый настырный грабитель, бросила вокруг удовлетворенный взгляд.

По кухонной утвари надо бы хорошенько пройтись графитом – утром это сделает Люси. Пускай работает. Ястребиный взор миссис Баттон упал на два стаканчика на столе рядом с бутылкой шерри. Она сунула в буфет бутылку, сполоснула стаканы, вытерла насухо, поставила на место. Секунду колебавшись, схватила со стола блюдо и тоже вымыла. Все это можно было бы оставить для Люси, только есть вещи, к которым не следует привлекать внимание прислуги, в отличие от скучной и тягостной чистки плиты. Не то что миссис Баттон с мистером Уотчеттом не имеют права выпить по стаканчику шерри и посплетничать по вечерам, но нижестоящие должны всегда питать уважение к вышестоящим и не иметь никаких оснований посмеиваться за их спиной.

Уже поздно. Уотчетт засиделся дольше обычного. Миссис Баттон вышла в холл. Там еще мерцает единственная газовая лампа, тихонько шипя, а в других помещениях нижнего этажа темно. Атмосфера в ночном доме тяжелая, насыщенная чьим-то невидимым присутствием. На старинных дедовских часах почти одиннадцать. Миссис Баттон направилась к парадной двери еще раз проверить засовы. Разумеется, двери последним проверяет мистер Оукли, но хозяин сегодня выглядел рассеянным. Рано ушел, еще до десяти. Слышно было, как поднялся наверх. Конечно, заметила миссис Баттон Уотчетту, ему есть о чем подумать.

«Так я и знала, мистер Уотчетт. Как только эта самая Дейзи Джосс переступила порог. Слишком хорошенькая, на свою беду».

«Ах, – вздохнул Уотчетт. – От Джоссов ничего хорошего не жди. Нечего брать их на работу».

«А бедная миссис Оукли сама не своя из-за зуба. То есть из-за того, который пришлось вырвать. Не пойму, почему не поехала в Лондон к дантисту, который умеет с благородными обращаться. После нашего местного зубодера она в ужасном состоянии».

«Лучше уж привязать ниткой к дверной ручке», – заявил Уотчетт.

«Хуже не было б, точно!» – фыркнула миссис Баттон.

Парадная дверь закрыта на засовы. Экономка кивнула, пошла выключить газовую горелку, при этом мельком отразилась в зеркале, чуть задержалась, взбив волосы необычного цвета красного дерева. Потом направилась обратно на кухню, оттуда в смежный чулан с черной лестницей на верхние этажи. Оставшись внизу совсем одна, она вполне могла бы подняться по главной лестнице, но старые привычки живучи. Черная лестница для слуг, и, хотя экономка занимает решительно главное место среди прислуги в лучшем смысле этого слова, поднимается миссис Баттон в свою комнату этим путем со свечой в руке.

Темный дом скрипит, стонет при понижении температуры. На втором этаже лестница выходит в конец коридора рядом с дверью башенной комнаты, где спит миссис Оукли. Повернув к следующему пролету, где расположена ее личная спальня и крошечная гостиная, миссис Баттон услышала неожиданный стук.

За которым последовал крик. Необычный, фантастический, нечеловеческий, словно идущий из другого мира, изданный каким-то животным в смертельной агонии. Сердце болезненно екнуло, миссис Баттон перекрестилась свободной рукой. Она с колыбели росла в католичестве, хотя о религиозных убеждениях уже много лет говорить не приходится. Теперь, чувствуя, что она подвергается испытанию, которого не пройти без божественной помощи, Марта обратилась к своей детской вере.

Стук и крик безошибочно донеслись из-за двери миссис Оукли. Экономка боязливо приблизилась, нерешительно постучала:

– Миссис Оукли... мэм?..

Ответа не последовало, но, прижавшись ухом к створке, она услышала движение, шорох, непонятный хрип. Потом довольно отчетливое бульканье и оборвавшийся визг, будто подача воздуха была внезапно перекрыта.

Не зная, что увидит, миссис Баттон в полной панике повернула дверную ручку, толкнула створку и схватилась за горло.

– Ох, боже мой, боже!..

Перед глазами чудовищная картина средневекового ада – на полу корчится тело в пляшущем красно-желтом свете среди языков огня. В воздухе омерзительное зловоние – миссис Баттон закашлялась и срыгнула. В нем смешалось горящее дерево, ламповое масло, паленое мясо, еще какой-то оглушительный запах, знакомый, но не сразу узнаваемый. Осколки стоявшей у кровати лампы валяются на дымящемся почерневшем ковре. В глаза бросилось что-то совсем среди них неуместное, но только на долю секунды, ибо внимание полностью приковалось к другому.

Обгоревшее существо на полу дергалось, извивалось, всхлипывало, как бы стараясь и не имея возможности крикнуть. Дрожащая всем телом экономка поставила свечу, шагнула вперед и тут же шарахнулась в ужасе и отвращении. Перед ее перепуганным взором существо с нечеловеческой силой вскинулось в пламени, вытянув в немой мольбе почерневшую облезлую пятку. При этом вспыхнули длинные волосы, превратившись в жуткий ореол. Существо издало тонкий высокий нечеловеческий вопль – звук замер, когда легкие полностью опустели, – и рухнуло навзничь.

– Миссис Оукли!.. – выдохнула экономка. – Ох, миссис Оукли!..

Глава 2

1999

– Мистер Гладстон, – сказала Дамарис Оукли с максимальной категоричностью, – мы все это уже обсуждали. Ни я, ни моя сестра не имеем никакого желания устраивать в саду водоемы.

– Почему? – спросил садовник.

Они уставились друг на друга, представляя два абсолютно противоположных стиля. На Дамарис очень старая твидовая юбка, из-под которой выглядывает подол полотняной нижней рубашки; сверху еще более старый джемпер ручной вязки с какими-то удивительными помпонами и кардиган. Полы кардигана с петлями и пуговицами обвисли спереди почти до колен, на спине кофта сморщилась и задралась почти до лопаток. На голове почтенная мягкая шляпа из твида, принадлежавшая отцу мисс Оукли, на которой даже осталась прилипшая мушка – искусственная наживка для рыбной ловли.

Рон Гладстон, напротив, образец достоинства и аккуратности, даже в рабочей одежде. Под чистой, застегнутой доверху курткой рубашка с галстуком; блекло-рыжие волосы подстрижены по-военному коротко, жесткие усики не утратили красок, придавая ему петушиную задиристость. Постоянно работая на свежем воздухе, он носит прочную обувь, но даже грубые ботинки надраены перед уходом из дому – эффекта не портят мелкие потеки грязи и мазки травяной зелени.

Дамарис не впервые задумалась, что в принципе очень даже неплохо провести в сад воду, хотя тут есть свои издержки. Никак невозможно позволить себе садовника, даже оплачивать регулярные визиты сотрудников какой-нибудь фирмы по уходу за садом. Своими силами они с Флоренс не справляются с буйной растительностью и отчаянно нуждаются в помощи.

Рон Гладстон не первый, к кому они обратились, желая решить проблему. Социальные службы прислали одного молодого человека. Дамарис вспоминает его с содроганием. Он носил серьгу в ухе и татуировку в виде паутины на чисто выбритой голове. Обращаясь к ней и к сестре, называл их «милые мои». Что ему не помешало исчезнуть из их сада и жизни без предупреждения, но с остатками фамильного серебра, включая парные рамки с единственными фотографиями их брата Артура в форме Королевских военно-воздушных сил. Одна из них была снята во время его последнего приезда домой незадолго до фатального крушения самолета на фермерском поле в графстве Кент.

Дамарис старалась объяснить девушке из полиции, явившейся за подробностями: «Мы бы не так возражали, если бы он забрал рамки, а снимки оставил. В конце концов, зачем ему фотографии Артура, правда?» Тут она замолчала, сама удивляясь, что так говорит с незнакомкой.

«Действительно, не повезло», – посочувствовала девушка из полиции.

Да, думала Дамарис. Действительно не повезло. Как всегда. Родители так и не оправились после гибели Артура. Сестры, как было принято в старые времена, остались дома, ухаживая за ними, пока мать с отцом слабели, старились, наконец умерли, а к тому времени Дамарис и Флоренс никем уже больше не интересовались.

Один юноша хотел жениться на Флоренс, родители сочли его неподходящим, Флоренс в конце концов подчинилась их общему мнению. Отвергнутый жених отправился в Южную Африку, открыл винодельню на мысе Доброй Надежды и, по слухам, вполне преуспел. Почему она за него не боролась? Почему за себя не боролась? Сейчас легко говорить. Тогда было трудно бороться. А теперь в любом случае поздно.

– Все мертвы и исчезли, – пробормотала еле слышно Дамарис.

– Что, мисс Оукли? – переспросил Рон, дернув усами.

– Простите, мистер Гладстон, задумалась.

Нынешнюю идею высказал викарий Джеймс Холланд. Сначала, после общения с бритоголовым вором, решение казалось идеальным. Рон вышел на пенсию, живет в чистенькой, аккуратной квартирке без сада, делать ему нечего, кроме ежедневных утренних походов в библиотеку, где он читает газеты и садоводческие журналы, жалуясь библиотекарше на вторжение шумных школьников в читальный зал. По том библиотекарша жалуется на *него* отцу Холланду, забежавшему поболтать. Тогда у викария зародилась прекрасная мысль занять Рона в Форуэйз пять дней в неделю. По субботам он делает покупки, по воскресеньям не работает, как заповедано в Библии, о чем Рон напомнил отцу Холланду: «Викарию-то следует знать».

Сначала решение казалось идеальным. Длинная трава скошена, бесформенные разросшиеся кусты подстрижены. Но со временем у Рона Гладстона возникают все более грандиозные планы. Фактически он начинает смотреть на сад как на *свой*. Начинаются неприятности. Пусть он расчистил заросшие клумбы у дома, привел их в порядок, засадил чудесными яркими цветами. Сомнения возникли, когда он выстриг тисовую живую изгородь вдоль подъездной дорожки в виде зубчатой крепостной стены, а после этого высказал кучу других идей, абсолютно неприемлемых для сестер Оукли.

– По-моему, мистер Гладстон, – сказала Дамарис, – вы опять насмотрелись садоводческих телепрограмм.

– Ни одной не пропускаю, – с гордостью объявил Рон. – Черпаю массу мудрых мыслей.

– Не спорю, хотя это не означает, будто нам с сестрой необходима альпийская горка, висячий сад, ботанический, или как его там. И водоемы с фонтанами тоже.

– Я подумываю... – продолжал Рон, как будто она вообще ничего не сказала, – я подумываю, не устроить ли маленький пруд. Конечно, если согласитесь проложить трубу от дома, можно сделать фонтанчик. – Он с надеждой взглянул на нее.

– У нас уже есть фонтан, – напомнила она.

– Имеете в виду старую, облупленную каменную чашу посреди подъездной дорожки? Она не работает, – объявил мистер Гладстон.

– Какая разница? – отмахнулась Дамарис. Помнится с самого детства, что не работает. В центре каменной чаши стоит пухлый младенец с крыльями – никто не помнит, то ли херувим, то ли Купидон, потерявший свой лук, – давно заросший желтыми и серыми лишайниками, отчего кажется, что он страдает каким-то нехорошим кожным заболеванием.

– Разве бывает фонтан без воды? Я поставлю такой, что работает.

– Нам не нужен фонтан, мистер Гладстон! – отчаянно провозгласила Дамарис.

Эта интонация, кажется, была услышана.

– Тогда маленький пруд без фонтана, хотя мне очень жалко, что он будет действовать только наполовину.

Блестящая мысль сразила Дамарис.

– Нам не нужен пруд, мистер Гладстон. Там заводятся лягушки.

– Что такого плохого в лягушках? – удивился Рон. – Они насекомых едят, сад почистят.

– Они квакают, – пояснила Дамарис. – Подворачиваются под ноги и под колеса и гибнут, раздавленные. Никаких прудов, мистер Гладстон! Давайте оставим пока эту тему. Хочу вам кое-что сказать. Вы ведь знаете, что мы подумываем о продаже дома?

Рон помрачнел:

– Слышал. Почему?

– Просто не можем его содержать. Миссис Дейли проходится с пылесосом трижды в неделю, но у нее уже сил нет и ноги не держат. Предупредила, что к Рождеству уходит. Отчасти поэтому вопрос решился. Мы с Флоренс ищем подходящую квартиру с современной кухней.

Перед мысленным взором Дамарис проплыла старинная кухня в Форуэйзе, особенно холодный каменный пол.

– С центральным отоплением, – мечтательно добавила она.

Усы Рона Гладстона ошетинились.

– У меня есть квартира! – провозгласил он, как Мартин Лютер Кинг некогда провозгласил, что у него есть мечта. – Осмелюсь сказать, современная и удобная. Только... ничего... близко даже... подобного! – прокричал он, указывая лопатой во все стороны в промежутках между восклицаниями.

– Конечно, – тихо кивнула Дамарис. – Конечно. Естественно, жалко... мы здесь родились и росли... все наши воспоминания связаны с этим домом... Но нам с Флоренс хочется прожить последние годы в комфорте. Мы это заслужили. И мы это получим, – решительно заключила она.

– Вот что я вам посоветую, – серьезно сказал Рон Гладстон, – позвольте мне устроить декоративный прудик вон под той магнолией.

Предложение показалось настолько не соответствующим обстоятельствам, что Дамарис просто вытаращила глаза.

– Если хотите продать, надо устроить что-то особенное, – пояснил Рон, видя ее недоумение. – Сад с водоемом и фонтанчиком может решить дело. Люди часто покупают дома, потому что мечтают о саде.

Дамарис с большим облегчением увидела вышедшую из дома сестру и отмахнулась от искушений мистера Гладстона:

– Извините. – Она поспешила навстречу Флоренс.

По мере приближения радость угасала. Кажется, будто хлипкую Флоренс, одетую почти так, как сестра, вот-вот сдует ветром. «Она младшая, – подумала Дамарис, – а уйдет первой, оставит меня в одиночестве. Необходимо уехать отсюда. Без центрального отопления невозможно прожить еще зиму. Необходимо купить квартиру!»

Она взглянула вдаль на дом, выстроенный из местного камня в стиле викторианской готики, похожий если не на замок, то, по крайней мере, на баронское поместье, и признала, что нечестно говорила сейчас с Роном Гладстоном. С самой собой говорила нечестно. Действительно, она прожила здесь всю жизнь и должна быть глубоко привязана к дому. А на самом деле глубоко ненавидит. Кажется, будто он ее пожирает. Даже в молодости, когда она работала в Бамфорде, приходилось ежедневно ехать сюда на велосипеде сразу после работы, потому что родители ждали к ужину. Другие шли в гости, на танцы, на свидания с молодыми людьми, за которых выходили замуж. Только не она. Ее ждали здесь. Абсолютно не стоит жалеть об отъезде. Плевать, кто купит дом. Плевать, если новые владельцы сровняют с землей эту груду камней. Ни одному Оукли она не принесла счастья.

Обратившись к Флоренс, Дамарис сказала:

– Мистер Гладстон настаивает на пруде и фонтане. Я его изо всех сил стараюсь переубедить. Пожалуй, нам с ним повезло. Сад был совсем одичавшим, пока он не взялся за дело. Помнишь Эванса, который был садовником во времена нашего детства?

– Помню, – кивнула Флоренс. – Он учил нас растить в горшках красную фасоль. Мы эти горшки расставляли на полках в старой теплице, подписывали свои имена на бумажках. Твоя всегда росла быстрее моей, а у Артура вообще лучше всех.

Несмотря на счастливые воспоминания, Дамарис почуяла напряженность сестры, забеспокоилась и спросила:

– Что-нибудь случилось, моя дорогая?

– Почта пришла, – сказала Флоренс Оукли. Налетевший ветер растрепал пряди серебристых волос, закрученных на затылке в аккуратный валик.

Наступило молчание. Дамарис с тяжелым сердцем смотрела на сестру. Она не спрашивала, что в почте. Знала и не хотела слышать. Каждая секунда молчания дорога, потому что, когда слова будут сказаны, все раз и навсегда переменится.

Флоренс слегка выпрямилась с усилием, готовясь огласить нежеланную весть.

– В письме точно сказано. Он приезжает.

– Яды, – изрек Джеффри Пейнтер, – прежде были гораздо популярней, чем нынче. Ах, сосиски в тесте! Что скажешь, Мередит?

– Осторожно, – шепнул Мередит на ухо Алан Маркби. – Возможно, отравлены...

– Джефф опять рассуждает о ядах? – переспросила Пэм Пейнтер, принеся поднос с сосисками. – Действительно одержимый.

Алан ей улыбнулся:

– Скажу, как скромный коп, я часто имел повод благодарить Джеффа за его познания о ядах. Это нам не раз помогало.

– Только это не повод сейчас его поощрять, – отрезала Пэм. – Неуместная тема, Джефф, ясно?

– Можете себе представить, как она ведет себя на заседаниях совета графства? – риторически спросил Джефф, не реагируя на полученное приказание, и заметил жене: – Алану и Мередит интересно.

– Мы собрались на милый дружеский ужин в честь новоселья, – напомнила Пэм. – Атмосфера должна быть приятной.

Она понесла поднос к другим гостям, набившимся в довольно маленькую гостиную нового дома Пейнтеров. Мередит про себя заключила, что бесполезно приказывать Джеффу не рассуждать о ядах. Он из тех, кто превращает профессию в хобби. Любит свое дело и без конца толкует о нем. Стоит посреди комнаты, полной народу, завладев вниманием слушателей; лысеющая голова поблескивает от жары и от собственного энтузиазма. Разве можно упустить такой шанс?

– Ну, понравилось вам в новом доме? – спросила она, отвлекая его.

Джефф огляделся, будто в первый раз видел гостиную.

– Отлично. Именно то, чего хотела Пэм. На мой взгляд, тесновато, однако жилье современное.

Проходя мимо с пустым подносом, жена уловила последние слова.

– Надо было найти что-нибудь поменьше. Дети в колледже. Тот дом разваливается и требует большого труда. Новые муниципальные дома не всем нравятся, но мне некогда ремонтировать старый. Знаю, Мередит, ты свой коттедж отделала, и замечательно, оригинально и прочее. То есть и до разгрома было замечательно. Но у меня куча дел, кроме дома. Джеффа просить починить что-нибудь и покрасить смысла нет, он безрукий. Я просто хотела переехать, распаковать свои вещи и жить себе дальше. Так и сказала Джеффу: пора переезжать, сейчас или никогда.

Джефф согласно кивал, хоть имел возражения.

– Ей хотелось квартиру поменьше, теперь ничего тут не помещается, а она ничего выбрасывать не хочет.

– Я не стану выбрасывать вещи, которые могут детям понадобиться! – возмущенно воскликнула его жена. – А ты ни с одной своей книжкой не хочешь расстаться! – И добавила, обращаясь к Мередит:

– Правда, когда мы смотрели пустую квартиру, комнаты казались больше, но со временем обживемся и все преспокойно расставим.

Пэм с подносом исчезла на кухне, а Мередит оглядывалась вокруг, остро чувствуя новизну жилища, которая висит в воздухе, издавая запах дерева и свежей краски. Даже сквозь ароматы еды и выпивки чувствуется этот особенный запах с химическим привкусом, впитавшийся в новые ковры и шторы. Не только хозяевам нужно время, чтобы устроиться в новой квартире, дом тоже должен к ним приспособиться.

– Мышьяк! – провозгласил Джефф с мелодраматичной ухмылкой, вернувшись в отсутствие жены к излюбленной теме с неизбежностью бумеранга. – Грандиозный яд Викторианской эпохи. Чрезвычайно удобно, всегда под рукой. Почти в любом хозяйстве были средства, включающие мышьяк, для борьбы с грызунами, которые жили даже в самых лучших домах.

– Но ведь поэтому мышьяк было очень легко обнаружить? – вставила Мередит.

– Не каждый врач мог распознать, – объяснил Джефф. – Возможно, симптомы не раз путали с признаками других заболеваний. Даже если полиция подозревала убийство, доказать было трудно.

– С тех пор ничего не изменилось, – с горечью заключил Алан Маркби.

Джефф как бы не услышал.

– Даже в начале шестидесятых годов, – продолжал он, – знаменитая Черная вдова из Лудена вышла из французского суда свободной, благодаря сомнениям в криминалистических доказательствах, тогда как ее обвиняли в убийстве половины собственных родственников и нескольких соседей!

Перед ними выросла могучая фигура Джеймса Холланда.

– Возможно, – примирительно сказал он, – она была невиновна.

– Возможно, – согласился Джефф. – С другой стороны, возможно, многие повешенные в викторианские времена за отравление мышьяком были невиновны. Мышьяк входил во многие распространенные составы, включая зеленую краску. Если у вас есть очень старая книжка в зеленой обложке, всякий раз тщательно мойте руки. Существует теория, будто Наполеона на острове Святой Елены медленно отравили с помощью зеленых обоев.

Кажется, это понравилось отцу Холланду.

– Горящие свечи, – мечтательно вымолвил он. – Газовые горелки. Наемные экипажи. Женщины в широких кринолинах...

Все уставились на него.

– Люблю викторианские мелодрамы, – пояснил он. – Лондонские улицы в глухом тумане, огромные мрачные особняки... Добавьте чуточку яда, и я попадусь на крючок.

– Не ожидал ничего подобного от священнослужителя, – усмехнулся Маркби.

– Просто неплохо плету небылицы, – миролюбиво признал викарий.

– Пироги с грибами!.. – Пэм появилась с новым подносом. – Ох, Джефф, неужели ты еще толкуешь про яды?

– Про книги, – быстро поправил Алан. – Мы обсуждаем любимые книги. – Он взглянул на стоявшую рядом с Пэм женщину: – А вы что читаете для развлечения, Джулиет?

Женщина присоединилась к кружку. Впервые увидев со стороны, ее можно было принять за юную девушку. На спине лежат длинные светлые косы, на носу сидят круглые очки школьницы, лицо свежее, почти без макияжа. Только услышав голос и хорошо присмотревшись, понимаешь, что ей уже под тридцать. Фактически Джулиет Пейнтер тридцать четыре. На ней прямой, свободный костюм-тройка в каштаново-коричневых тонах. Покрой простой, но, по мнению Мередит, вещь дорогая. Цена заложена в материале и крое.

– Да я мало читаю, – беспечно отмахнулась она. – Некогда. В любом случае не читаю того, о чем говорит Джеймс.

– Значит, не знаешь, что потеряла, – невозмутимо ответил Джеймс Холланд.

Они усмехнулись друг другу, как старые друзья.

– Агенты по продаже недвижимости чересчур заняты, чтобы книжку открыть? – уточнил Джеффри, насмешливо глядя на Джулиет.

Все заметили, как она вспыхнула, из-за круглых очков сверкнул сердитый взгляд. Голос тоже прозвучал сердито:

– Я недвижимостью не торгую, Джефф. Сколько раз уже говорила. Даже напоминать не стану, сам прекрасно знаешь. Я консультант по вопросам недвижимости. Даю людям советы,

подыскиваю варианты. Умею подыскивать то, что нужно. Иногда бываю на аукционах в интересах клиентов. С большим удовольствием. Сама не продаю и не покупаю.

– Никогда не нарывалась на агентство, у которого на руках никуда не годная развалина? – Джеффри допил вино, оглянулся, куда бы поставить бокал.

– Заткнись, Джефф, – прошипела жена энергичней, чем раньше.

– Вопрос столь же разумный, сколь глупый, – ответила Джулиет. – Зачем мне рисковать репутацией, предлагая кому-то развалину? Если бы это сказал кто-то другой, я прислушалась бы. Тебе, Джефф, как брату, всегда с рук спускала. Но когда-нибудь ты переступишь черту. У тебя диковатое чувство юмора.

– А ты, сестренка, вечно клюешь на приманку.

– Джефф, – твердо прервала его жена, – гостям надо налить. Позаботься.

Джеффри виновато взглянул на гостей и пошел откупоривать бутылки под пристальным надзором супруги.

Джеймс Холланд усмехнулся в густую черную бороду:

– По-моему, бедный старичок Джефф сейчас сполна на кухне наслушается.

– Какой там бедный старичок! – воскликнула Джулиет Пейнтер. – Он просто перепил. Лучше бы не распространялся о ядах. Для многих весьма неприятная тема... разве не видно? По-моему, для Пэм в том числе. Я всегда думала... – Джулиет нерешительно помолчала, – всегда думала, что о дурном не следует вспоминать.

– Только черта помянешь, и он тут как тут, – пробормотал Джеймс Холланд.

– Правильно. Наверняка вы признали меня суеверной, но это неправда. – Джулиет затрясла длинными косами, как конскими хвостами, которые отгоняют докучных мух.

– Это не суеверие, – сказал Алан Маркби. – Тут работает человеческое подсознание, предупреждая о близкой опасности. Наследие нашего первобытного прошлого. Теперь, Джулиет, расскажите, где были в последнее время и с кем разговаривали, почему в вас проснулись пещерные инстинкты.

– Ничего подобного, – неуверенно возразила она.

В распахнувшейся двери появился Джеффри, потрясая бутылками в обеих руках:

– Кому долить? Красного, белого? Обещаю вести себя прилично. Извини, сестренка, если что.

– Дурак, – откликнулась сестренка на извинения.

– Послушай, не знаешь, кто хочет снять дом? – обратилась к ней Мередит.

Джулиет удивилась:

– Разумеется, каждого знаю. Какой?

– Мой коттедж в Бамфорде на Стейшн-Роуд. Самый последний в ряду, ранний викторианский. Не такой роскошный, как те, с которыми ты имеешь дело, но только что полностью отремонтирован и заново обставлен.

– Ужасно, когда дом громят вандалы. Мне Пэм рассказывала, – сочувственно кивнул Джефф.

– Да, – подтвердила Мередит, не сдержав отвращения.

– А в чем дело? – поинтересовалась Джулиет, редко бывавшая в городе. – Я не слышала.

– Я кое-кому не понравилась, – объяснила Мередит. – Одна особа решила, будто я причинила ей вред. И расплатилась той же монетой.

– Ужас! – охнула Джулиет.

– Не то слово. Залила весь дом красной краской, изорвала одежду. Так или иначе, с тех пор я живу у Алана. Сначала хотела сразу же после ремонта вернуться, потом поняла, что мне это не нравится и, по-моему, Алану тоже... – Мередит оглянулась на Маркби.

– Будем искать что-нибудь на двоих, – подхватил тот. – Для меня дом вполне годится, но для нас обоих не совсем.

Мерedit уловила в тоне суперинтендента воинственную нотку, будто он думал, что слушатели ему не верят. Те, кто хорошо их знают, сказали бы: «Вы оба чересчур независимые» или даже «Слишком долго тянете». Вместе с воинственностью слышится удовлетворение. Он добился желаемого. Она же до сих пор не уверена, что желает того же.

Джулиет деловито оглядела обоих:

– Что вам нужно?

– Постойте, – осторожно сказал Алан. – Мы ваш гонорар не потянем.

– Я пока ничего не прошу. Конечно, мои расценки могут вас не устроить. Но мне хорошо известно положение дел на рынке недвижимости, соотношение между моими запросами и требованиями моих клиентов. Могу кинуть подсказку.

– Очень любезно с вашей стороны, – кивнул он.

Джулиет задумчиво посмотрела на Мерedit:

– Мне надо взглянуть на дом, прежде чем говорить.

– Пожалуйста. Скажи когда, я дам ключ. Он недалеко от вокзала, если кому-нибудь каждый день надо ехать в Вавилон.

– Значит, ты по-прежнему в министерстве? – уточнила Джулиет.

– Все сижу в кабинете. – Мерedit почувствовала на себе пристальный взгляд Алана. Неужели до сих пор боится, что какой-нибудь босс сжалится и предложит ей пост за границей, а она согласится глазом не моргнув?

И задумалась, согласится ли. Неужели поэтому не желает связать себя узами даже с Аланом? Он понимает, что она согласилась жить с ним под одной крышей только потому, что ее собственный дом временно стал непригодным для проживания.

Алан дергается, сидя с ней рядом. Приперт спиной к книжным полкам, с одной стороны его заклонила Мерedit, с другой внушительный Джеймс Холланд.

– Хорошо, что вы сюда вырвались из большого города, – обратился он к Джулиет, высвобождая локти.

– Никак не могла пропустить новоселье, – сказала та с некоторым сожалением. – Да еще и деловой визит... в Форуэйз.

– К старушкам Оукли?! – воскликнул Джефф. – Только не говори, что какой-то богач с Ближнего Востока хочет жить в этом доме, осыпав старушек мешками наличных!

– Нет. Ближневосточные богачи на него даже не глянут. Усадьба чересчур запущена. Просто Дамарис Оукли написала мне, попросила приехать.

Джулиет замешкалась в нерешительности.

– Пожалуй, ни для кого не секрет, что сестры Оукли давно испытывают трудности. Они решили продать дом за то, что дадут, и переехать в подходящую квартиру, предпочтительно на нижнем этаже, близко к морю. Признаюсь, я успела его хорошо осмотреть. Отчасти для того, чтоб составить понятие, сколько денег останется на квартиру после продажи, отчасти для того, чтоб учесть требования перспективных клиентов. А когда осмотрела... – Она надула губы. – Честно сказать, в нынешнем состоянии усадьбу продать трудно, но необходимо, потому что у них ничего больше нет.

– Сад наверняка тоже запущен, – вставил Алан Маркби, заинтересованный этим аспектом.

– Сад лучше, чем дом. Один старичок бесплатно ухаживает. Это его хобби.

– Рон Гладстон, – кивнул Джеймс Холланд. – Это я устроил. Кажется, получилось неплохо, не считая случайных разногласий по поводу прокладки мощеных дорожек.

Джулиет оглянулась на брата:

– Теперь видишь, Джефф, чем я могу помочь таким, как сестры Оукли. У них нет ни машины, ни сил, ни возможности разъезжать по округе в поисках квартиры. Дамарис меня попросила заняться. И я согласилась.

– Только не обижайся, – предупредил Джефф, наученный долгим опытом, – но сколько ж придется запросить за дом с учетом твоего заоблачного гонорара?

Джулиет на сей раз не обиделась.

– А я с них ничего не возьму. Всю жизнь знаю старых куриц, бог свидетель! Чувствую себя обязанной подыскать им квартиру на старость, передав другим клиентам усадьбу.

– Милая моя девочка, – кивнул Джеймс Холланд. – Благородно с твоей стороны тратить время на помощь сестрам Оукли.

– Я тебе вовсе не милая девочка, – воинственно объявила Джулиет. – Вообще никому. Не надо гладить меня по головке, Джеймс.

– Разве я когда-нибудь гладил?..

– Кстати, если вас интересуют отравления в викторианские времена... – начал Джефф.

– Хочешь напомнить о случае в семействе Оукли? – перебила Джулиет. – Не лучше ли позабыть?

– А, загадочная смерть Коры Оукли? – вмешался Алан Маркби. – Я слышал об этом деле. Но охотно еще раз послушаю.

– Я вообще ничего не знаю, – признался Джеймс Холланд.

– Я тоже, – подхватила Мередит.

– Чудовищная история, – объявила Джулиет. – Пожалуйста, Джефф, не рассказывай!

– Джеймсу и Мередит интересно, – заупрямился Джефф. – Ну, если нельзя рассказывать, у меня есть записи, могу дать почитать. Знаете, я собираюсь когда-нибудь написать книгу о сомнительных старых судебных процессах... Когда будет свободное время, если когда-нибудь будет. Конечно, семья мне не помогает. Прямо и недвусмысленно объявили, что не станут перетряхивать кости скелетов. Но я просто случайно вчера вытащил материалы по Оукли. Они на письменном столе у меня в кабинете. Если желаете, можете взять. Я сохранил все на диске.

Мередит с Джеймсом Холландом переглянулись.

– Дамы в первую очередь, – галантно кивнул викарий. – Когда прочитаете, Мередит, передадите мне.

Джефф послал обоим сияющую улыбку.

– Уильяма Оукли обвинили в убийстве жены. И он весьма удачно отделался. Многие отправлялись на эшафот при не столь очевидных доказательствах.

– Я видела портрет Уильяма, непочтительно засунутый в пыльный чулан в Форуэйзе, – неожиданно вставила Джулиет. – Случайно наткнулась, когда Дамарис водила меня по дому. Она сильно смутилась. Сухо объявила: «Мой дед» – и поспешила дальше. Я мельком оглянулась. Уильям на портрете настоящий красавчик по тем временам. Пышные черные кудри, пышные усы, физиономия пьяницы... – Джулиет все это проиллюстрировала жестом правой руки и скривилась, потом покраснела, и все взглянули на нее. – Ну ладно, – призналась она, – мне интересно. Я не говорю, что история *неинтересная*, просто она чудовищная. В любом случае достаточно увидеть Уильяма, чтобы понять, что он вполне способен убить жену.

– Преступный тип личности, – задумчиво проговорил Алан Маркби. – Некогда это была популярнейшая теория, хотя нынче отвергнута полностью. А что было с Уильямом после суда? Едва ли его с радостью приняли в обществе после такого скандала...

Джефф пожал плечами:

– Хотелось бы сообщить, что он получил по заслугам, но фактически никто не знает, что с ним стало. Разумеется, ходили слухи. Все его опасались, репутация рухнула, родственники с обеих сторон ясно дали понять, что он должен навсегда исчезнуть. Уильям уехал за границу, больше о нем никто не слышал. В те времена так заглаживали семейные скандалы. Сына вырастили родные. Когда ему исполнилось двадцать один год, он подал в суд прошение об официальном признании отца мертвым. По-моему, для того, чтобы закрепить наследственные права на поместье, которое тогда очень дорого стоило. В ходе активных розысков никаких

следов Уильяма не обнаружилось. От него не было никаких сообщений. Значительное состояние покойной жены досталось по ее завещанию сыну, а у Уильяма денег практически не было. Все его достояние заключалось в камнях, из которых сложен Форуэйз, хотя он ни к кому не обращался за финансовой помощью. Очевидно, исчез с лица земли, и поэтому его признали мертвым.

Помолчав, Джефф продолжил:

– Сын, слава богу, не стал повторением старика, прожил счастливую жизнь в Форуэйзе с женой и детьми, хоть, по слухам, так и не оправился после гибели единственного сына Артура. Обе дочери замуж не вышли. Теперь, как говорит Джулиет, состарились и не совсем здоровы. Неудивительно, что хотят найти удобное жилье. Хотя все-таки жаль, что последние Оукли покидают Форуэйз, где семья прожила почти... сколько же?.. сто тридцать лет. Сказать по правде, мне трудно представить, что им будет хорошо в маленькой современной квартирке с соседями под носом.

Мерedit усиленно переваривала информацию.

– Прискорбно, конечно, но случай обычный. Я имею в виду не убийство, а вымирающие семьи, лишившиеся дохода, в больших старых, разваливающихся домах. Кто может там сейчас поселиться, кроме поп-звезд, богатых арабов и кучки удачливых бизнесменов?..

– Удачливых мошенников, – мрачно вставил Маркби. – Готовых тратить деньги на определенный стиль жизни.

– Только не в Форуэйзе, – возразила Джулиет со знанием дела, и Алан вопросительно посмотрел на нее. – На мой взгляд, по крайней мере, – поспешно оговорила она. – И нечего на меня так смотреть. Я работаю с самыми респектабельными клиентами. Можете мне поверить, Форуэйз – старая развалина.

В гостиную снова влетела Пэм Пейнтер, раскрасневшаяся и запыхавшаяся.

– Даже не рассказывайте! Знаю, о чем вы тут говорите. Алан, – обратилась она к Маркби, – ты пробуждаешь в Джеффе худшие качества. Когда бы ни пришел, вы сразу начинаете толковать о насильственной смерти.

– Не обвиняй беднягу, – сказал Джефф. – Он дает мне возможность поговорить на любимую тему. А сейчас мы случайно заговорили о продаже Форуэйза. Это не связано ни с какими убийствами. – И он шепнул Мерedit: – Я тебе отдам записки. Только чтоб Пэм не видела!

Глава 3

1889

Тьму прорезал бледный штрих на краю горизонта. Стоявшие рядом бок о бок мужчины, тепло одетые из-за пронзительного ветра, смотрели вдаль с нетерпением и беспокойством. Уже час простояли они в церковном дворе, укрываясь с подветренной стороны у небольшой гробницы. Следили за происходящим с этой скорбной наблюдательной точки. Могильщики суетились над зияющей ямой в земле, двое деловито ее углубляли, еще двое подсвечивали фонарями. Никто не разговаривал. Лопаты скрежетали по гравию. В некошенной траве время от времени шуршала какая-то мелочь, встревоженная внезапным присутствием людей в такой час.

В паре футов от ямы в мрачном молчании стоял констебль в непромокаемой накидке, поглядывая время от времени на стеклянные бутылочки в открытой коробке у него под ногами, чтобы ни одна не пропала.

Среди могильщиков бегал маленький человечек в очках, с совком в одной руке и с такой же бутылочкой в другой, прерывая время от времени угрюмое молчание восклицаниями: «Минуточку, я возьму образец! Пойдите, я вам говорю!»

– Послушайте, Вуд, – сказал крупный мужчина у гробницы, размеры которого подчеркивала пелерина и неуместный в данных обстоятельствах шелковый цилиндр. – Разве не следует поторапливаться? Скоро люди пойдут на работу, солнце взойдет, соберется толпа, рты разинет...

– Да, сэр Герберт, – согласился спутник в более прозаичном пальто с поясом и надвинутом на уши котелке, с предусмотрительно накрученным в несколько витков на шею и рот вязаным шарфом, из-под которого голос звучал неразборчиво. – Ученый джентльмен никак не закончит.

Сэр Герберт глухо забормотал, уловив подтекст деликатного замечания: в задержке виноваты не местные, а почвовед, прибывший с сэром Гербертом из Лондона.

Церковные часы пробили четверть.

– Слышите? – укоризненно спросил сэр Герберт. – Без четверти шесть.

Вуд не успел ответить, слыша справа взрыв кашля.

– Ох, как он мне на нервы действует! – раздраженно добавил сэр Герберт.

Оба оглянулись на кашель и строго посмотрели на джентльмена в черном, который гну саво объявил в свою защиту:

– Я простужен. – Он вытащил огромный белый носовой платок и в доказательство громко высморкался.

Сэр Герберт неодобрительно заворчал.

– Это я вызвал гробовщика, – примирительно сообщил мистер Вуд. – Опознает гроб, когда вытащим. – Он многозначительно посмотрел на могильщиков, которых снова задержал ученый, черпая в бутылочки землю.

– Знаю, зачем он здесь, только, судя по виду, кто-то скоро *его* в гроб положит.

Услышав подобное оскорбление, гробовщик отошел еще дальше, содрогаясь от негодования. Становилось заметно светлее. Кругом мелькали тени, внушая сэру Герберту боязливое ощущение, что за ним наблюдают каменные херувимы и ангелы. Мраморные руки воздеты, глаза без зрачков в ужасе глядят на кощунство, совершаемое перед ними живыми людьми. Блеклая полоска на горизонте начала розоветь.

«Красный закат – веселись, пастух; красный рассвет – берегись, пастух», – вспомнил Вуд. Будем надеяться, это не дурное предзнаменование. Еще не хотелось присутствовать при эксгумации, как любому другому представителю министерства внутренних дел. Он вообще не

любит церковные кладбища, и особенно вычурные надгробные скульптуры. Сказал однажды своей дочери Эмили, только наполовину в шутку, что хочет видеть на собственной могиле простую плиту с надписью: «Здесь покоится Джонатан Вуд. В чем ошибался, а в чем он был прав, пусть решит Высший суд». Эмили не улыбнулась. Наоборот, так расстроилась, что пришлось от души извиняться, настаивать, что он чувствует себя прекрасно, нечего волноваться, большое спасибо. Лучше вообще не бывало. Нигде ничего не болит.

– Могу признаться, Вуд, – тихо проговорил сэр Герберт, – министерству внутренних дел все это не по душе. Будь я проклят, у нас нет ничего, кроме заявления уволенной домоправительницы и кучи местных сплетен. Я уверен, если дело дойдет до суда, защита отпразднует победу. Если б у отца покойницы не оказалось приятеля в кабинете министров, не было бы никакой эксгумации.

– Набор обстоятельств классический, – объявил Вуд, выпростав подбородок из шарфа. – Репутация мистера Оукли давно сложилась в городе – мот, успевший спустить свои деньги задолго до женитьбы на богатой невесте. Будь у него хоть капля рассудка, он перестал бы бегать за каждой юбкой, но это, осмелюсь сказать, вошло у него в обычай. Жена угрожала разводом. Поэтому, – заключил Вуд, прибегнув к просторечию, – он ее и прикончил.

На что последовал язвительный ответ:

– Еще что, кроме обстоятельств? Государственное обвинение должно предъявить доказательства, черт побери. Если он убийца, то истинный гений. Во время предварительного следствия никто не усомнился в несчастном случае. И еще. Этот ученый малый берет пробы земли со всего кладбища. Если где-то найдется мышьяк, обвинение мигом вылетит в трубу. Так бывало не раз и повторится вновь.

Вуд молча согласился. Если повторится, известно, кто будет виновен. Бамфорд город маленький, но это крупный торговый центр в округе, и поэтому городская полиция должна поддерживать закон и порядок в обширном районе. В результате в каждой деревушке, где нет никого чином выше сержанта, поставлен инспектор. Конечно, в сельские болота послали не настоящих инспекторов. Нет, всю ответственность возложили на Вуда. Он даже подозревает, что получил повышение, чтобы одним выстрелом убить двух зайцев. Все силы отдает работе, успешно делает карьеру, но не производит особого впечатления в обществе за пределами своего узкого круга. Неохотно повысили его в инспекторы и отправили в Бамфорд, наверняка довольно потирая руки, избавившись от необходимости расставания с более значительной личностью.

Ничего. Здесь неплохо. Легко найти общий язык с горожанами и с деревенскими. Он как бы правит собственным маленьким царством. В его распоряжении сержант и два констебля, один из которых сейчас у могилы. Сержант и констебли тоже крепкие, надежные, широкая слава им тоже не светит.

И вот вдруг, внезапно, мелькнул призрак славы. Не то чтобы слишком приятно. Однако схватить за шкуру джентльмена вроде Уильяма Оукли...

Инспектор Вуд встрепнулся и сосредоточился, видя, что работы приостановились. Из раскопанной могилы, цепляясь за каменные плиты и груды земли, выкарабкался констебль, отдал честь:

– Мистер Вуд, сэр, докопались до гроба...

– Отлично, – с облегчением выдохнул инспектор. – Теперь уже недолго, сэр Герберт. Констебль, пусть гробовщик поскорее посмотрит.

Гробовщик мстительно медленно шагнул вперед. Кто-то направил фонарь в яму. Гробовщик наклонился под очень опасным углом и так долго медлил с ответом, что Вуд побоялся услышать пространные комментарии сэра Герберта. Потом гробовщик отвернулся, отступил назад тем же медленным шагом. Возможно, иначе не ходит.

– Да, тот самый гроб, джентльмены, – сказал он, слегка шепелявя. – Табличка уцелела. – Встряхнул носовой платок и опять громко высморкался.

– Так вытаскивайте и вскрывайте, – проворчал сэр Герберт.

Гротовщик сунул платок в карман и сказал:

– Может быть, джентльмены, лучше выйдете на свежий воздух, пока крышку вскроют...

Церковные часы пробили шесть.

– Некогда! – бросил сэр Герберт.

– Мы должны убедиться... – тихо заметил Вуд.

– Ну ладно, – уступил сэр Герберт. – Только поскорее!

– Дженкинс! – крикнул Вуд констеблю. – Поднимайте гроб, вскройте... э-э-э... проветилируйте, оградите могилу, чтоб, не дай бог, никто не упал. Лучше стойте на страже. Охотники за черепами нам тоже не нужны.

– Слушаюсь, сэр, – угрюмо ответил констебль Дженкинс.

– Ничего, – сказал ему Вуд. – Как только доберусь до участка, пришлю к вам епископа для отпущения грехов.

Судя по выражению лица констебля Дженкинса в бледном утреннем свете, он заподозрил, что сам инспектор, вернувшись в участок, хлебнет сначала доброго винца.

Глава 4

– Ты что-то совсем притихла, – заметил Алан по дороге домой в темноте. – Не стоит при таком свете читать записки Джеффа.

– Не могу удержаться, – с сожалением призналась Мередит, закрыв коробку, лежавшую у нее на коленях.

Автомобильные фары высвечивают витрины магазинов, пляшут в лужицах на тротуарах. Кругом благословенная прохлада после душной тесноты у Пейнтеров.

– Жарковато было, правда? – Она взглядела в профиль спутника. – Я считала твоим патологоанатомом доктора Фуллера. Не знала, что просишь советов у Джеффа.

– Фуллер наш штатный патологоанатом, и очень хороший, но не специалист по ядам. Поэтому когда мы с чем-то подобным сталкиваемся, то обращаемся к Джеффу. Кстати, он совершенно прав, утверждая, что умышленные отравления нынче встречаются реже, чем в прошлом.

Из паба на тротуар высыпалась толпа юнцов, и Алан сбавил скорость. Три парня сцепились, остальные к ним потянулись, как железные опилки к магниту. К счастью, в этот самый момент подъехала патрульная машина. Маркби нажал на акселератор и оглянулся на облегченно вздохнувшую Мередит.

– Прошу прощения, – сказал он. – Я полицейский. Не могу миновать место потенциального происшествия, пока не удостоверюсь, что ситуация под контролем.

– Я побоялась, что сам вмешаешься, – столь же серьезно сказала она.

– При необходимости. Полицейский обязан принять меры в опасной, по его мнению, ситуации, будь он при исполнении своих обязанностей или нет.

– Тогда надо вызывать подмогу. Нечего изображать супермена, в одиночку бороться с преступниками.

Алан молчал, очевидно раздраженный критикой. Но у Мередит есть право на личное мнение, и, господи помилуй, в данном случае она, скорей всего, тоже попала бы в передрыгу. Подвыпившие молокососы вполне могли наброситься на машину.

Тем не менее, когда затянувшееся молчание грозило перерасти в упрямое сопротивление, Мередит сделала первый шаг:

– Я просто испугалась, и все. Не хотелось угодить в свалку. – Почуяла облегчение Алана.

– Не позволю, чтоб ты пострадала.

«Как убережешь меня от пьяной толпы?» – хотела спросить она. Не спросила. Вместо этого подумала, что сама привыкла о себе заботиться, вот в чем проблема. Если б была одна, оценила бы ситуацию и избежала бы неприятностей. Если б сидела за рулем, нажала бы на газ и проехала мимо. Но она не одна с тех пор, как переехала к Алану. Невозможно привыкнуть. Начинаются ссоры. Прежде ничего подобного не было. Конечно, они спорили, но не злились друг на друга. И он не утверждал, что ее бережет. Разве она слабоумная?..

Развивая мысль, Мередит невольно спросила:

– Ты обратил внимание, как Джефф с сестрой скандалят? Ему за сорок, как тебе. Ей за тридцать, как мне. Сведи их вместе, оба превращаются в четырехлетних детишек.

– Ну и что? Это не серьезно, – веско возразил Алан. – Мы с сестрой Лорой вечно скандалим.

Машина подъехала к дому и остановилась.

– Правда, – неохотно признала Мередит. – Только вы с Лорой не соперники, в отличие от Пейнтеров. Я просто думала, что они уже переросли соперничество. – Отсюда возникло другое соображение, и она сухо добавила: – Впрочем, я единственный ребенок, о чем могу судить?..

С тем и вошли в коттедж, Алан включил свет в прихожей, звучно бросил на телефонный столик ключи от машины и спросил:

– Еще хочешь вместе искать новый дом?

Голубые глаза смотрят пристально, как на преступницу, застигнутую на месте преступления. Но она не обвиняемая. Не обязана предъявлять алиби и оправдания. Ему нужна правда, а она не может ответить, поскольку не знает. Все равно что-то надо ответить. И она ответила вопросом на вопрос, проходя мимо него на кухню и с излишней осторожностью ставя коробку с бумагами:

– Зачем спрашиваешь? Потому что усомнился?

– Я не усомнился. Просто не понял, почему ты спросила Джулиет не о продаже, а о *сдаче* коттеджа.

Ах вот в чем дело! Мередит отвернулась от кухонной раковины:

– Понятно. Слушай, я практичная женщина, правда? Если мы будем жить вместе, твой дом не годится, и надо подыскивать что-то другое.

– Знаю. Никогда не рассчитывал с кем-то здесь жить. Надо было куда-то впихнуть вещи и где-то поспать.

– Понятно. Я сама не рассчитывала с кем-нибудь жить. Надо было впихнуть вещи и где-то поспать... А вдруг у нас не получится, Алан? Я не хочу сжигать за собой все мосты. Они как бы меня подкрепляют... То есть если вдруг понадобится, то у меня есть собственный дом. Если сдам – оплачу закладную. Потом посмотрю и, возможно, продам. – Она открыла холодный кран, вода хлынула в чайник. – Не думай, будто я тебя не люблю. Скорее в себе сомневаюсь. Давно стараюсь объяснить.

Он подошел к ней сзади, обхватил за талию, поцеловал в затылок.

– Понимаю. Только я тебя сюда слишком долго заманивал. Не верю своему счастью.

– И не верь раньше времени. Возможно, еще пожалеешь, что я переступила порог.

– Не пожалею, – сказал он. – Никогда.

Она склонила голову с улыбкой. Между ними воцарился мир. Никто не желает скандалить.

И все-таки, сунув в ножны оружие, Алан спросил:

– Надеюсь, не собираешься шарить в коробке Джеффа?

Мередит ощетинулась, слыша вызов в тоне:

– Конечно, собираюсь. Интересуюсь местной историей.

Чайник вскипел.

– Чай или растворимый кофе? – уточнила она. – Могу приготовить какао.

– Только избавь меня от какао, – буркнул он. – Прибереги до старческого маразма. И местную историю ко всем чертям. Идиотская жуть.

– Вовсе нет. Что тут плохого? – Иными словами: «Какое тебе до этого дело? Неужели мы разойдемся из-за семейной истории Оукли?» – Меня интересует ситуация с человеческой точки зрения, – осторожно пояснила Мередит. – Муж обвинялся в убийстве жены, которую прежде любил.

– Правда? – сухо переспросил Алан. – Кора Оукли была очень богатой. У мужа ничего не было, кроме усадьбы, обремененной долгами.

– Значит, *она* любила его.

Алан видел, как Мередит покраснелась, как старается не смотреть ему прямо в глаза. Ее что-то тревожит. Между ними что-то не так. Господи боже мой, только не это! Только чтобы не повторилась история с Рейчел! Как они были счастливы после женитьбы... Следовало догадаться, что долго так продолжаться не может. Рейчел ненавидела его профессию. Не хотела быть женой копа. Всегда считала это временным помешательством, от которого можно опра-

виться, найти себе хорошее место, которое ей больше понравится. С бесконечными корпоративными вечеринками и поездками, светскими обедами и ужинами в парадных нарядах.

Мерedit отреагировала на молчание. Подняла голову, устремила на него большие ореховые глаза. Тушь размазалась, и поэтому Алана захлестнули эмоции, сильные до боли. Это и есть любовь, думал он. Неудивительно, что многие боятся ее. Она тоже боится. А он что – тот самый дурак, которому закон не писан?

И спросил жестче, чем собирался:

– Разве дело в любви? Знал я мужчин и женщин, которые убивали из-за любви, а не из-за денег и ненависти.

Мерedit поразил его тон. Настала очередная неловкая пауза.

Алан сгорбился:

– В любом случае для обвинения в убийстве необходим не только мотив. Я видел очень многих людей с основательными мотивами и возможностями, иногда уже уличенных в насилии. И ничуть не сомневался, что это убийцы. Они знали, что я не сомневаюсь. Но смотрели в глаза, утверждали, что не убивали, и я ничего не мог доказать. Я ничего не мог доказать, и никто не может доказать, что Уильям Оукли убил свою жену. Конечно, *мог* убить. Но надо *доказать*, что убил. Это совсем другое дело.

Он задумался, погрузившись в прошлое.

– Каждый полицейский ненавидит такие дела. Некоторые одержимо продолжают следствие. Год за годом надеются, что всплывут доказательства или кто-нибудь проговорится, преисполнившись самоуверенности, потеряв бдительность. Иногда такое случается – мы уличаем преступника, которого после первого оправдательного приговора нельзя снова отдать под суд по тому же самому делу. Тогда он над нами смеется. Но есть детективы, которые продолжают копать, желая доказать свою правоту, даже если мерзавца нельзя наказать по закону.

– Какой ты упрямый, – серьезно проговорила Мерedit. – Никогда не сдаешься.

– Правда, – подтвердил Алан. – Я никогда не сдаюсь.

– Джефф!.. – громко шепнула в темноте Памела.

Муж на соседней кровати заворочался и промычал:

– М-м-м?..

– Как думаешь, вечер удался?

Муж тяжело повернулся в постели:

– Все прошло отлично. А что?

– Я как-то беспокоилась насчет гостей. То есть насчет Джулиет... и Джеймса Холланда.

Пружины соседней кровати угрожающе взвизгнули под тяжестью внезапно вскочившего Джеффа Пейнтера.

– Господи помилуй, Пэм, оставь их в покое! Я свою сестру знаю. Она крышу снесет, если вдруг заподозрит, что ты ее сватаешь.

– Я никого не сватаю, – негодуя возразила жена. – Они знают друг друга сто лет. И дружат. Оба самостоятельные, живут собственной жизнью...

– Глуповатое рассуждение. Скажем, копченая рыба вкусная, меренга тоже вкусная. Значит, копченая рыба с меренгой – это очень вкусно, – сварливо заключил Джефф.

Памела со вздохом откинулась на подушки:

– Нечего было тебя даже спрашивать, – и вскоре продолжила: – Джулиет говорит, сестры Оукли продают дом и переезжают. Для них это тяжелое испытание. Они там родились. Помоему, Дамарис восемьдесят два, а Флоренс восемьдесят. Как насчет обстановки?

– Дом выставляется на торги с обстановкой. Им занимаются местные аукционеры.

– Дело совсем не такое простое. Есть семейные реликвии вроде портрета Гадкого Уильяма, о котором упомянула Джулиет. Для сестер каждая кроха в доме памятна. Продать его все равно что самих себя до последнего. Навсегда расстаться с собственной жизнью...

– Понимаю, – сказал Джефф после паузы. – Может быть, ты права. С другой стороны, ни ты, ни я еще до таких лет не дожили. Может, они готовы расстаться с прошлым. Может, *хотят* с ним расстаться. Если так беспокоишься, поговори с Джулиет. Впрочем, она наверняка подумала об этой стороне дела. – Он взбил подушку и снова улегся. – О моей сестре можно сказать что угодно, но деловой хватки у нее не отнимешь. По-моему, тут она превзойдет тебя, Пэм, хотя даже Джулиет не пытается устроить кому-то счастливую личную жизнь. Ты с огнем играешь!

– Иногда ты несешь чепуху, – отрезала жена. – Кстати, я видела, как ты сунул Мередит ту самую коробку.

– Ну и что? Ей интересно, – воинственно заявил Джефф.

– Откуда ты знаешь, – спросила Памела, неведомо для себя повторяя вопрос Алана Маркби, – что кому-нибудь, кроме тебя, интересно то, что было много лет назад, а теперь вообще не имеет значения? – И, не дожидаясь ответа, бросила: – Давай спать!

– Уже сплю... – донесся сонный голос с соседней кровати.

На другом краю города шумно спал Алан Маркби. Мередит выскользнула из постели, накинула халат. Спустившись, схватила коробку Джеффа, понесла на кухню. Чувствовала себя ребенком, добравшимся до холодильника ради ночного пиршества. Уселась за столом, со щекочущим предвкушением развязала шпагат и, сняв крышку, увидела целую кучу бумаг: фотокопии газетных статей и кипы судебных протоколов, размашисто дополненных чьей-то рукой. На дне обнаружилась перехваченная резинкой пачка как бы репортерских заметок. На верхнем листке красуется та же размашистая подпись «Стэнли Хакстейбл».

– Что это? – пробормотала она. – Видно, Джефф сунул по забывчивости, иначе из рук бы не выпустил...

Поздние заметки сделаны почерком Джеффа. Мередит разложила перед собой бумаги, гадая, с чего начинать.

Глава 5

Нечего ожидать, что Уильям Оукли обрадуется возобновлению расследования смерти своей жены. Инспектор Джонатан Вуд медленно шел по подъездной дорожке к усадьбе Форуэйз, думая, что ему еще меньше понравятся возобновившиеся допросы.

Рядом с ним шел сержант Паттерсон, краснолицый здоровяк. Даже не глядя на него, понятно, что усадьба произвела на сержанта сильное впечатление. Сам Вуд не особенно восхищается готикой, которая сопровождает его всю жизнь. Предпочитает старый палладианский стиль² времен своих предков. Такая архитектура отвечает его представлению о гармонии, симметрии и пропорциональности. А тут только посмотрите, с отвращением поморщился он. Стрельчатые окна уместны в храме, но не в жилом доме. О чем вообще думал архитектор, возводя эту башню?..

– Рапунцель, Рапунцель, проснись, спусти свои косыньки вниз... – невольно пробормотал он вслух.

– Не понял, мистер Вуд?... – опасливо спросил сержант Паттерсон.

– Забыл сказки братьев Гримм?

– Не могу сказать, сэр. – Паттерсон покраснел от натуги. – Гензель и Гретель... – неуверенно добавил он.

Ну ладно. Вуд сжалился, объяснил про Рапунцель и башню.

– А, вот оно что, сэр, – понял Паттерсон. – Чудной дом. Красивый.

Вуд неожиданно разозлился:

– Красивый или нет, мы тут не для того, чтобы кланяться и пресмыкаться, ясно? Даже если Оукли джентльмен, он все равно подозреваемый.

– Так точно, сэр, – сказал Паттерсон с прежним сомнением.

Возможно, подумал Вуд, не следовало его брать. Показания мог записывать констебль Бишоп, тонко понимающий субординацию и не обращающий никакого внимания на обширные усадьбы с живущими там джентльменами.

Дверь открыла девушка в накрахмаленной до ледяного сахарного хруста наколке на голове и в фартучке.

– Чего вам? – развязно спросила она, распознав с первого взгляда, что перед ней не джентльмены, и откровенно давая понять, что им надо пройти к черному ходу для обслуживающего персонала.

Чуя рядом смущенного сержанта Паттерсона, Вуд громко объявил:

– Инспектор Вуд из бамфордской полиции к хозяину. Надеюсь, он дома?

Горничная сразу сменила манеру, охваченная любопытством:

– Здесь, сэр, только на конюшне. Вроде лошадь его охромела. Коновала ждет.

– Ну, пока ждет, можно и побеседовать. Сходи за ним, будь любезна.

Девушка тряхнула крахмальной наколкой:

– Ладно. Желаете зайти?

Визитеры переступили порог. Паттерсон огляделся в поисках половика, чтобы вытереть ботинки, и совсем смутился, видя лишь дорогой турецкий ковер.

– Давайте ваши шляпы. – Горничная осторожно взяла котелки, словно боясь заразиться, положила на столик в прихожей, провела полицейских в маленькую гостиную.

Вуд догадывался, что где-то есть большая, затянутая бархатом, которой их не удостоили.

Паттерсон взмок от волнения.

² Имеется в виду классический стиль Андреа Палладио, итальянского архитектора эпохи Возрождения (1518–1580), который пользовался огромной популярностью в Англии с начала XVII века.

– Блокнот захватил, сержант? – грубовато спросил Вуд. – Приготовься записывать. Постарайся на сей раз без ошибок.

Прошло восемь минут по золоченым часам на каминной полке, прежде чем явился Оукли. Распахнул дверь, вошел быстрым шагом, уставился на посетителей с агрессивным видом. Он был в бриджах и сапогах для верховой езды, но без пиджака, в рубашке и жилетке. Видно, снял пиджак, осматривая лошадь. Интересно, что даже не стал переодеваться, узнав, кто его ожидает в гостиной.

– Догадываюсь, зачем пришли, – язвительно сказал он. – Наслушались гнусных сплетен, которые разносит та самая Баттон.

Выглядит неплохо, заключил про себя Вуд. Темные кудри, роскошные усы. Инспектор однажды пробовал отпустить усы, но сдался под насмешливым взглядом дочери. Раскрасневшийся в данный момент Оукли был высок, отлично сложен, бриджи плотно облегли мускулистые ляжки. Да, такие мужчины нравятся дамам.

– Если не возражаете, сэр, у меня есть несколько вопросов, – сдержанно проговорил Вуд.

– Конечно, возражаю, будь я проклят! Хотя, пожалуй, лучше сразу покончить. Садитесь. А вы, – обратился Оукли к Паттерсону, – должно быть, записывать будете?

– Так точно, сэр, – задохнулся бедняга. – Если не возражаете.

Вуд испепелил его взглядом.

Оукли не потрудился ответить, сел в кресло.

– Ну, давайте. Спрашивайте. Мне скрывать нечего.

– Пожалуй, начнем со дня смерти вашей жены. – Инспектор прикрыл рот ладонью, прокашлялся. – Тяжелая тема, и мне очень жаль, что приходится ее затронуть.

– Правда? – Оукли издал краткий смешок. – Хотите меня одурачить? Ну что? Она умерла поздно вечером, после одиннадцати.

– Да, сэр. Это мне известно. Хотелось бы услышать, что было днем. Как я понял, вы ездили в Бамфорд и были в аптеке мистера Бакстера?

– И что? Все это обсуждалось на следствии после кончины жены. Она очень сильно страдала после удаления зуба. Доктор Перкинс прописал настой опия, что подтвердил на следствии. Я приобрел лекарство у Бакстера.

Паттерсон трудолюбиво записывал, тяжело дыша ртом, как обычно в минуты предельной сосредоточенности.

– Вы с женой были в добрых отношениях, сэр?

Вуд подметил искру в глазах собеседника.

– Чертовски не деликатный вопрос. Да, спасибо, у нас были прекрасные отношения. – Оукли помолчал, передернул плечами. – Случались иногда разногласия, как у любых супругов, однако несущественные. – Он внезапно взглянул прямо в глаза инспектора. – У меня не было ни малейших причин желать смерти жены. Помимо всего прочего, у нас был – *есть* – маленький сын. Неужели я стал бы лишать его матери?

Вуд не ответил, вместо того вновь сдержанно спросил:

– Как я понимаю, ваша жена была состоятельной женщиной?

– Действительно, у нее имелся кое-какой капитал.

Вуд выпятил губы:

– Насколько я слышал, довольно значительный, сэр. Неплохой доход от предприятий и фабрик, в том числе на севере... прядильни и торговля шерстью... И по-моему, еще столичная компания, «Лондон кемикалс», если не ошибаюсь...

– Не валяйте дурака, инспектор, – саркастически бросил Оукли. – Вам прекрасно известно название. Мне сообщили, что вы там побывали. Расспрашивали о моем последнем визите.

– Вы нанесли его за месяц до смерти жены, – сказал Вуд. – Решали от ее имени какие-то деловые проблемы.

Хотя это был не вопрос в точном смысле, Оукли все же ответил:

– Конечно. Моя жена замужняя женщина, на ней лежали дом и хозяйство. Она не могла разъезжать по заводам и фабрикам, расспрашивать про доходы и убытки! Вдобавок, когда мы поженились, ей было всего восемнадцать. К вашему сведению, я регулярно навещался на все предприятия, с которых она получала доход. Если не присматривать, непременно возникнут проблемы.

«Совершенно верно, – мысленно подтвердил Вуд, – поэтому я за тобой и присматриваю».

А вслух сказал:

– Вы хорошо известны в кругу любителей азартных игр, мистер Оукли.

– Не знаю, кто вас об этом осведомил. – Оукли помедлил, как бы ожидая услышать имя и фамилию. Не услышал. – И что?

– У вас есть долги?

Последовало молчание. Наконец хозяин дома ровным тоном заметил:

– Какой вы дотошный. Впрочем, понимаю: свое дело делаете. У меня есть долги, инспектор, как у всякого джентльмена. Я всегда скрупулезно расплачиваюсь. Спросите кого угодно. Каждый подтвердит. – Он так резко подался вперед, что Паттерсон с перепугу чуть не выронил карандаш. – Знаю, на что намекаете, и скажу – ни черта не добьетесь. Я никогда и никоим образом не злоупотреблял капиталом жены. – Снова откинулся на спинку кресла и спокойно добавил: – Обратного вы в любом случае не докажете.

«Разумеется, не докажу, – мысленно согласился инспектор. – И министерство внутренних дел не желает возобновлять следствие. Тем более что на высоких постах сидят однокашники отчима Оукли».

В поисках более твердой почвы Вуд продолжил:

– Давайте вернемся к вашему визиту в «Лондон кемикалс». Вы правы, я там побывал. На меня произвел впечатление ассортимент выпускаемой продукции. Хозяйственные, садовые, сельскохозяйственные химикаты... крысиные яды...

– Большим спросом пользуются, – сухо бросил Оукли.

– Многие на основе мышьяка, – спокойно продолжал Вуд. – Лично я всегда покупаю мышьяк у Бакстера, расписываюсь в регистрационной книге, прячу банку подальше. Крыс в нашем доме сейчас нет. Порой мышка шмыгнет, но мышеловки с кусочком сыра вполне достаточно.

Казалось, Оукли готов спустить инспектора с лестницы, пальцы, вцепившиеся в резные дубовые подлокотники кресла, задержались. Пожалуй, было правильно взять с собой Паттерсона. Допрашиваемый дважды подумает, видя перед собой бычью тушу сержанта.

– Известно ли вам, сэр, что в процессе изготовления потребительских продуктов, содержащих мышьяк, выделяются в высшей степени ядовитые пары?

– Возможно. Я не химик. – Оукли взял себя в руки, но голос потрескивал от напряжения.

Вуд вздернул брови:

– Но наблюдали за процессом? Во время визитов на производство?

– Может быть. Точно не помню.

– Тогда знайте: пары мышьяка имеют сильный запах чеснока. Мне не нравится, – добавил Вуд. – Я не поклонник иностранной кухни.

– По-вашему, я во время визитов на фабрику вдыхал ядовитые испарения? – сухо спросил Оукли. – Не имею понятия, чем они пахнут. По крайней мере, пока от вас не услышал.

– Правда? – переспросил Вуд. – Давайте вернемся к смерти вашей жены. Прошу вас еще раз описать последовательность событий.

– Не понимаю зачем. Все это обсуждалось на следствии. Ну, давайте посмотрим. – Оукли нахмурился, сцепил пальцы. – Я принес в спальню жены настойку опия и воду. Хотел отмерить дозу, она отказалась, сказала, сама справится. Лампа на столике у кровати горела. Я пожелал ей спокойной ночи. Поужинал внизу в одиночестве. Выкурил в библиотеке сигару, просмотрел газеты. Потом сам отправился спать.

– Не заглянули к жене осведомиться о самочувствии? – с интересом встрепенулся Вуд.

– Нет, – очень тихо вымолвил Оукли. – Думаете, не сожалею об этом? Решил, что заснула. Не хотел беспокоить. Не заподозрил ничего дурного, пока Баттон не разбудила меня где-то между четвертью двенадцатого и полуночью. Точнее не скажу, не спрашивайте – не смотрел на часы. Баттон была в невменяемом состоянии, бормотала, что произошло нечто ужасное. Я сразу бросился в спальню жены. Она лежала на полу – видно, упала, вскочив с постели, – ночная рубашка на ней загорелась. Получила сильные ожоги. Я сразу послал грума за доктором, но он не смог помочь. К его приезду она уже скончалась.

В наступившем молчании тихо тикали позолоченные часы да сержант Паттерсон шелестел страницами блокнота.

– По-моему, – четко и медленно проговорил Оукли, – причина трагедии в том, что моя жена под воздействием опия потеряла контроль над собой. Такого же мнения придерживаются доктор Перкинс и коронер. Распространители зловредных слухов понесут ответственность.

Вуд ответил с таким же спокойствием:

– Экономка миссис Баттон действовала в тот момент весьма ответственно и храбро. Погасила пламя покрывалом с кровати. Однако через две недели вы ее уволили.

– Да, – холодно подтвердил Оукли. Видя, что инспектор ждет объяснений, неохотно продолжил: – Мне было неприятно ее видеть. Воскресали воспоминания. Стало невозможно жить под одной крышей. Я дал ей наилучшие рекомендации и выплатил жалование за месяц вперед. Она оплатила мне гнусной ложью. – Оукли вскочил с кресла. – Теперь буду признателен, если вы уйдете. С минуты на минуту жду ветеринара. Больше не намерен отвечать на глупые вопросы.

Сегодня уже ничего не добьешься. Вуд и Паттерсон покинули дом, причем сержант с большой радостью.

Шагая по подъездной дорожке, они слышали детский смех. Из невысоких кустов им навстречу выскочил мальчик лет четырех и замер при виде незнакомых людей.

– Мастер Эдвард, сейчас же вернитесь! – Из-за живой изгороди вырвалась девушка, судя по униформе нянька, очень хорошенькая, розовощекая, с идеальными зубами между приоткрытыми пухлыми губками. Тоже резко остановилась при виде Вуда и Паттерсона, но скорее с любопытством, чем с опасением. Впрочем, инспектор не усомнился, что она сразу же догадалась, зачем они здесь. Только чуть сморгнула. Сообразительная девчонка, ничего не скажешь! – Добрый день, джентльмены, – кивнула девушка с приятной улыбкой, подошла к ребенку, подхватила на руки. – Прошу прощения, нам пора чай пить.

И понесла мальчика к дому. Выскочила из сети, прежде чем Вуд успел о чем-нибудь спросить. Он испытал раздражение и восхищение.

Остолбеневший от такого радушного приветствия, Паттерсон размяк и слегка помрачнел.

– Дейзи Джосс, – пробормотал инспектор.

– Вот эта миленькая девица? – потрясенно уточнил Паттерсон.

– Вот эта миленькая девица, – сердито подтвердил Вуд. – Со стороны мистера Уильяма Оукли было бы умнее уволить ее!

Глава 6

В следующий понедельник вечером Мередит стояла на платформе Паддингтонского вокзала, поджидая поезд домой. День выдался тяжелый, а главный фактор стресса называется Адриан.

Отведенный ей просторный кабинет приходится делить с сослуживцем. Места полно, столы стоят в разных концах. До сих пор все было хорошо. За другим столом сидел Джеральд. Теперь Джеральда перевели, вместо него вселился Адриан.

Даже не верится, что она так заскучает по Джеральду с его страстью к сенсациям, любовью к таблоидам, батончикам «марс», прочим сладостям и закускам в ящиках письменного стола. Адриан совершенно другой. Со своими плюсами: молодой, высокий, с хорошим сложением, с первой классной университетской степенью. Но и с минусами – розовый, как вареная креветка; рыжий, со скошенным подбородком; обожает яркие голубые рубашки и итальянские костюмы.

В Римской империи определенным категориям осужденных преступников ставили соответствующее клеймо на лбу в предупреждение окружающим. По мнению Мередит, на лбу Адриана написано «амбициозность». Быстро выяснилось, что он подхалим, соглашатель, служит нашим и вашим, старается завести полезные для карьеры знакомства, а на остальных плюет. Явно решил, что Мередит не возведет его на вершину успеха. В результате обращается с ней небрежно, если не грубо. Есть также вполне основательные подозрения, что в ее отсутствие он просматривает входящие и исходящие бумаги в лотках. Джеральд обладал ненасытным, но безвредным любопытством. У Адриана есть цель. Ему надо раскопать что-нибудь такое, чем при случае можно будет воспользоваться против нее. Такова натура этой твари. Инстинкт шантжиста, жаждущего кого-то опорочить. За ним надо приглядывать.

На вокзале, по обыкновению, толпятся пассажиры, возвращающиеся по домам. Стоят поодиночке и кучками, держа в руках полистироловые стаканы с горячими напитками, не сводя глаз с информационных табло. В такое время поезда быстро заполняются, и, если не хочешь провести на ногах полдороги, надо бежать, как борзая, едва только на табло высветится номер платформы.

Почему вдруг обращаешь внимание на отдельного конкретного человека в толпе? Непонятно. Он стоит близко, в нескольких шагах. Даже со спины видно, что молодой. Мускулистый, крепко сбитый. В джинсах и облегающей серой футболке с темными пятнами пота под мышками. Под ногами большой рюкзак с багажной биркой из аэропорта. Молодой человек пристально вглядывается в табло, как бы не зная, с какой платформы отправляется поезд и вообще есть ли поезд, который ему нужен. Куда едет? Уезжает или приезжает? Словно почуяв на себе ее взгляд, он оглянулся. Мередит поспешно отвела глаза, притворившись, будто интересуется чем-то другим, успев, однако, мельком увидеть необычное, но привлекательное лицо с необычайно большими темными глазами и маленьким ртом с изящно изогнутыми губами. Ее охватило неожиданное беспокойство, объяснение которому могло быть лишь одно: ее поймали на неуместном любопытстве.

На табло вспыхнул номер платформы, толпа испуганным стадом ринулась к турникету. Мередит тоже рванула со всеми, прокладывая себе дорогу крепким кейсом с острыми углами, и наконец триумфально плюхнулась на место у окна. Другие пассажиры также проталкивались и занимали сиденья; проигравшие мрачно скапливались в хвосте вагона в ожидании, когда выйдут первые доехавшие до места назначения. Не сразу она осознала, что молодой человек сел напротив нее.

Он засунул рюкзак между креслами и, когда поезд тронулся, жадно уставился в окно, явно видя картину впервые. Интересуясь попутчиком не меньше, чем он окружающим, Мере-

дит вместо обычного кроссворда в «Ивнинг стандарт» полностью сосредоточилась на нем в легонько покачивавшемся вагоне.

По ее оценке, ему под тридцать или чуть за тридцать, точнее трудно сказать. Сильно загорелый, будто проводит очень много времени на свежем воздухе; темные волнистые волосы слегка тронуты преждевременной сединой на висках. Обнаженные руки покрыты тоненькими черными волосками. Лицо овальное. Прямой длинный нос и темные огромные глаза. Средне-вековой лик, сошедший с храмовой фрески, но чей – святого или грешника – не угадаешь.

Он неожиданно на нее посмотрел. С улыбкой. И сказал с заметным акцентом, однако свободным, непринужденным тоном:

– Ух, сколько народу! – Все его сомнения насчет поезда и маршрута испарились. Он вольготно развалился в кресле, явно не обращая внимания на тесноту, в которой прочие пассажиры сгрудились, как сельди в бочке, толкаясь локтями и переминаясь. Мередит инстинктивно чувствовала, что этот человек, несмотря на видимую расслабленность, обладает неслыханной внутренней силой, которая в любой момент может выплеснуться в неожиданном направлении. Он напоминал крупную кошку, нежащуюся в саванне на солнышке и в то же время пристально глядящую по сторонам, всегда готовую к прыжку.

– Как обычно в час пик, – ответила она с излишней резкостью.

– Да? Я не привык к большим городам. – Молодой человек опять улыбнулся доверчивой, обезоруживающей улыбкой, показав золотую коронку на левом клыке. Видя работу какого-то старого континентального мастера, Мередит почему-то сочла спутника безобидным и отказалась от прежнего мнения. – Деревенский... так ведь у вас говорится?

– Откуда вы? – спросила она, не сдержавшись.

– Из Польши.

Пора пробормотать: «Ах вот как?» – и на этом закончить беседу, иначе от него до конца не отделаешься, в зависимости от того, далеко ли он едет. Интересно куда – и он, как будто прочитав ее мысли, сказал:

– В Бамфорд еду. Знаете?

Мередит не отрицала, он сразу встрепенулся, подался вперед и спросил:

– Ну, что за город? Вы его хорошо знаете и тамошний народ? Я там ни разу не был.

Чисто детское неудержимое любопытство. Поздно прятаться за страницей «Ивнинг стандарт» с кроссвордом. Другие пассажиры уткнулись в романы в бумажных обложках, просматривают деловые бумаги из кейсов, бормочут в мобильные трубки и дремлют. Оставшись без всякой поддержки, Мередит постаралась кратко описать Бамфорд с максимальной точностью:

– Городок маленький, есть несколько милых старых построек, хотя он не относится к туристическим центрам. Неподалеку имеются более привлекательные и живописные места... Загляните в путеводители и буклеты. В этом смысле Бамфорд почти ничего не обещает.

Молодой человек внимательно слушал, кивая, а когда она замолчала, спросил:

– Вижу, вам все хорошо известно... может, вы там живете? – В тоне одно простое любопытство, а взгляд темных глаз испытующий. Святой или грешник?

– Да. С партнером. – Это означает, что на станции в Бамфорде их знакомство закончится. Но как только слово слетело с губ, Мередит с содроганием сообразила, что впервые назвала так Алана. Их взаимоотношения развиваются. Они живут вместе – он от чистого сердца, она разрывается от тайных и открытых сомнений. И ей вдруг стало стыдно своей неуверенности. Надо либо отдалиться с таким же чистосердечием, либо разорвать, а разрывать не хочется. Коттедж *будет* выставлен на продажу. Не сдан в аренду, а продан. Если не сделать этот первый решительный шаг, то больше никуда не продвинешься. Надо позвонить Джулиет, сообщить о решении.

Попутчик погрузился в раздумья, надул губы, постукивает пальцами по узенькому вагонному подоконнику. Удивительная рука – загорелая, сильная и одновременно маленькая, изящная, как у женщины.

– Может, и в других местах побываю. – Судя по тону, его абсолютно не интересуют туристические достопримечательности. – Понимаете, мне в самом деле надо побольше узнать о Бамфорде... – Он внезапно подался вперед с заговорщицкой улыбкой, и Мередит побоялась услышать какую-то тайну. – Я еду не на экскурсию... а к родным. – И снова привольно раскинулся в кресле с широкой улыбкой, сверкнув золотым зубом.

– Ах вот как... – Мередит попыталась завершить разговор, не показавшись при этом невежливой. Впоследствии гадала, не из опасения ли услышать нечто неприятное.

«Мысленно отмахнулась, – объясняла она потом Алану. – И совершила ошибку, абсолютно не представляя дальнейшего. Думала, его родные какие-то польские эмигранты, и чуть с сиденья не упала, когда он спросил, знакома ли я с Оукли».

– С Оукли? – опешила Мередит. И осторожно пояснила: – Нет, пожалуй... семья большая...

Молодой человек затряс головой:

– Не большая. Остались только две сестры-старушки.

Поезд остановился на промежуточной станции, вагон заметно опустел. Когда снова тронулся, Мередит со своим спутником остались наедине.

– Вряд ли мы говорим об одних и тех же людях, – твердо объявила Мередит. – Это невозможно.

– Они живут в усадьбе Форуэйз.

Мередит задохнулась, не в силах поверить.

– Дамарис и Флоренс Оукли?

Сверкнул золотой зуб.

– Да. Мои кузины. Вы их знаете? Потрясающе! – Молодой человек открыто взглянул на нее, и она прочла в темных глазах какую-то триумфальную радость. – Меня зовут Ян Оукли, – представился он, как будто этим все объяснялось, произнося свое имя на польский манер.

Мередит не часто теряет дар речи, но это был как раз тот редкий случай. Сообразив, что челюсть отвисла, она закрыла рот, а потом пробормотала:

– Ах...

Так и не успела прийти в себя, когда подъехали к Бамфорду. Попутчик схватил свой рюкзак и бодро зашагал рядом с ней по платформе. Имея рост пять футов десять дюймов, Мередит с каким-то извращенным удовольствием заметила, что он до нее не дотягивает. Однако у него мускулатура гимнаста, упругий, размашистый шаг. Она с досадой отметила, что он держится рядом, как старый знакомый. Конечно, от него решительно надо отделаться, но в то же время в голове лихорадочно вертится мысль: ждут ли его в усадьбе Форуэйз? И она осторожно спросила.

– Ох да, я переписывался с кузинами. Они знают, что я сегодня приеду.

– А... вас кто-нибудь встретит?

– Нет, – нахмурился он, – но ведь можно взять такси, правда? Далеко ехать?

– Усадьба на краю города, на перекрестье дорог. Отсюда и название³. – Подошли к выходу с вокзала. – Не очень далеко. Такси будет недорого стоить.

– Очень рад познакомиться с вами, – искренне сказал попутчик, протягивая руку. Мередит сделала ответный жест не подумав, а он стиснул ее пальцы, галантно поднес к губам с официальным поклоном. – Надеюсь, еще встретимся.

³ Форуэйз (англ.) – «Четыре дороги».

«Нет, если это от меня зависит», – мысленно провозгласила Мередит, направляясь к своей машине на забитой стоянке. Но встрече суждено было продолжиться. Медленно выезжая от железнодорожной станции, она заметила одинокого Яна Оукли, сгорбившегося на пустой стоянке такси с рюкзаком под ногами, и притормозила.

Он шагнул к машине с надеждой:

– Все такси разобрали. Придется ждать минут двадцать.

– Я вас довезу, – сдалась Мередит. – Положите рюкзак на заднее сиденье.

Ян немедленно повиновался и сел рядом с ней.

– Очень любезно с вашей стороны, – сказал он с каким-то самодовольством, по ее мнению.

Она ничего не ответила, осторожно выезжая со стоянки, лавируя среди других машин с нетерпеливыми водителями, спешившими по домам.

Когда проезжали по городу, Ян заметил:

– Довольно красиво. Почему вы решили, что я не заинтересуюсь?

– Должно быть, потому, что живу здесь. То есть город, конечно, хороший. Вы сюда надолго? – Она постаралась, чтобы в вопросе не прозвучало: «Надеюсь, что нет».

– В зависимости от обстоятельств, – туманно ответил он. – Недели на две, на три... – Сгорбился на переднем сиденье, глядя в лобовое окно, сложив на коленях руки. Из горловины футболки выскочило маленькое золотое распятие.

– Чем вы занимаетесь в Польше? – спросила Мередит, стараясь заручиться добавочной информацией. Пока это только ему удавалось. Похоже, он застал ее врасплох, что нехорошо. Например, целование ручек никогда ей не нравилось. Но если у него есть постоянная работа, то он к ней вернется со временем. Не дадут ему бесконечного отпуска.

Ян развел руками. Золотое распятие не единственное украшение. Часы на запястье с виду дорогие – возможно, фальшивые, как и владелец.

– Лошадьми.

– Лошадьми?.. – Неожиданное известие.

– Угу... Чистокровными, на племенном заводе. Мы в Польше разводим прекрасных коней. Ценный экспортный товар для нашей экономики.

Объяснился загар от пребывания на свежем воздухе и заявление, что он «деревенский». Коневодство – крупный бизнес в Польше. Вспомнилась статья о международных соревнованиях по конкуру. Ян хорошо говорит по-английски и явно немножко гордится собой. Может быть, несмотря на свой скромный вид, он занимает высокий пост на племенной ферме.

Во второй раз за время их короткого знакомства он как бы угадал ее мысли.

– Можно сказать, что я ветеринар.

– Ветеринарный врач? – переспросила Мередит. – Ах, вот и Форуэйз...

Она и не заметила, как подъехала к дому. Солнце уходит с неба, окрашивая его в розовый цикламен на бирюзовом. На фоне такой палитры красок дом представляется некой фоновой декорацией, скажем, к опере Доницетти «Лючия де Ламермур». Построен на пике викторианского неоготического стиля с высоченными узкими стрельчатыми окнами, украшенными затейливой резьбой. По прошлым визитам известно, что они пропускают совсем мало света. Под карнизами располагаются водостоки, замаскированные горгульями; в одном углу верхнего этажа торчит смешная башенка в виде перечницы, как бы в последнюю минуту придуманная архитектором.

Ян Оукли подался вперед, вцепившись в приборную доску над бардачком, глядя сквозь лобовое окно на усадьбу. Он источал невероятное напряжение, в салоне машины буквально трещало статическое электричество. На лице написан экстаз, словно он увидел перед собой какую-то священную реликвию. Мередит не могла вымолвить слово, сидела, ждала.

Через пару минут он, обратившись к ней, тихонько сказал:

– Вы даже не представляете, что это для меня означает. Я в мечтах представлял этот дом. Фактически *видел* его, воображал в нем не только себя, но своего отца, деда, которые здесь никогда не бывали, даже прадеда, который уехал отсюда в Польшу...

– Прадеда? – Картинка сложилась. – Значит, вы правнук Уильяма Оукли?.. – выдохнула Мередит. – Потомок Гадкого Уильяма?..

Ян взглянул на нее, и она поняла, что допустила страшную ошибку. В темных глазах вспыхнула враждебность, если не большее. Как будто он на нее набросился. Мередит на мгновение ударилась в панику, опасаясь физического насилия. Однако враждебность угасла. Ян облизнул нижнюю губу, как бы для успокоения. И действительно успокоился. В глазах только сдержанная укоризна.

– Почему вы его называете гадким? Разве он был плохим человеком?

Даже от столь деликатно сформулированного вопроса в голове прозвучала сирена тревоги. Много ли можно сказать? Надо ли упоминать, что она как раз сейчас перечитывает записки Джеффа? Нет. Не стоит снова возбуждать злобу.

– Он покинул дом, окутанный подозрениями, – ответила она и на всякий случай пояснила: – Из-за несчастного стечения обстоятельств.

– Знаю, – кивнул Ян. – Его несправедливо обвинили в убийстве жены. Он ее не убивал. Она принимала опиум, в результате случилась трагедия. Он еще до женитьбы рассказывал моей прабабке, своей второй жене. Она рассказала их сыну – моему деду, тот – моему отцу, отец – мне. Понимаете, я все знаю. Когда был ребенком, дед говорил, что его мать была в высшей степени здравомыслящей женщиной. Никогда не вышла бы за убийцу. Хорошо знала, что ее муж – настоящий английский джентльмен. Он не стал бы ее обманывать.

Мередит как-то сумела собраться с силами, но голос все равно дрогнул:

– Суд его оправдал...

– Его обвинила прислуга, настроенная против него, но присяжные – *английский* суд присяжных, – не послышалась ли ей насмешка в тоне?.. – объявили его невиновным. Так и есть. – Ян как бы высказал непреложный факт, неопровержимое логикой заключение.

Алан мог бы кое-что сказать о признании невиновным и подлинной невиновности. Но Мередит на секунду замешкалась. Невольно согласилась с заключением Джефффри Пейнтера, что Уильям Оукли «удачно отделался», хотя на самом деле виновен. По крайней мере, надо до конца разобраться в записках Джеффа, прежде чем выносить окончательное заключение. Сейчас в любом случае неразумно обсуждать запретную тему.

Она тихо сказала:

– Понимаю, какой это для вас важный момент.

Про себя же подумала: для него важный. А для Дамарис и Флоренс?..

– Ну, – сказал Алан Маркби, – можно сказать, неплохой поворот для романа.

– Ничего хорошего. Я до сих пор еще не переварила.

Он долил оба бокала.

– Не удивляюсь, что объявила, будто я в жизни не угадаю, с кем познакомилась и где была. Определенно не догадался бы. Надеюсь, он настоящий?

– Вот что меня беспокоит, – сказала Мередит. – Никто никогда словом не упоминал ни про каких польских Оукли. Признаюсь, я не слишком знакома с Дамарис и Флоренс, но всегда считала их последними в роду. Господи помилуй, в субботу вечером у Пейнтеров мы о них говорили! Джефф объявил, что сестры последние Оукли из усадьбы Форузэйз, а Джулиет, которая у них недавно была, не спохватилась, не вставила: «Постойте, есть еще один польский ветеринар, специалист по лошадям, который спешит сюда со всех ног и вот-вот появится на пороге». А этот самый Ян мне сказал, что с ними переписывался и что они его ожидают. Просто не понимаю, как это возможно.

– Ну, я всю жизнь их знаю и тоже ни разу не слышал о польской ветви, – согласился Алан. – Хотя это не означает, что сестрам о ней неизвестно.

– И они никогда *никому* не обмолвились за столько лет? – Мередит откинулась в кресле, смахнув с глаз темную прядь.

– Посмотрим с их точки зрения, – предложил Алан. – Их отец был сыном Кору и Гадкого Уильяма. Пока они росли, имя Уильяма вообще не произносилось. Это был как бы скелет в шкафу, грязное пятно на семейной репутации. Все, что они о нем узнавали впоследствии, хранилось под покровом тайны. История скандальная. Не стоит недооценивать страх перед скандалом, особенно у представителей их поколения.

Мередит подумала и неохотно кивнула:

– Пожалуй. Но этот самый Ян странный тип. То представляется абсолютно безобидным, а через минуту... не знаю! Страшно разволновался, увидев дом, лицо вспыхнуло, глаза загорелись... Мне это на нервы действовало. Я все представляла изображения святых на фресках с сияющими глазами и нимбами. Потом вспомнила, что имя Люцифер означает «Несущий свет», и не знала, кто сидит со мной в машине, святой или дьявол... – Она смутилась. – Извини, если через крайхватила. Он просто... другой. По-моему, все стараются распределить новых знакомых по категориям, а я никуда не могу его отнести.

– Думаю, ты справедливо тревожишься, – задумчиво сказал Алан. – Сестры Оукли собираются продать дом, переехать в квартиру, прожить остаток дней в покое и комфорте. Дело серьезное, наверняка они только об этом и думают. Осуществить подобные планы непросто, даже с помощью Джулиет. Вряд ли старушки будут сейчас заниматься давно потерянным родственником, даже если он абсолютно безвредный, несмотря на твои опасения. В данный момент им это совсем ни к чему. С другой стороны, я не вижу, что мы можем сделать. Дело семейное, правда?

– Может, в Интерпол обратиться?

Алан изумленно вздернул брови:

– Не слишком ли дальний скачок в рассуждениях? У нас нет оснований считать его мошенником или злодеем. Польские власти могут подтвердить, настоящий он или фиктивный, но, опять же, нет повода к ним обращаться. Документы наверняка в порядке, иначе он не прошел бы через иммиграционную службу в Хитроу.

– Я одно могу сделать, – объявила Мередит. – Позвонить Джулиет Пейнтер и предупредить. У нее есть основание бывать в Форуэйзе, пусть понаблюдает за происходящим. Сегодня же и позвоню. – Она помолчала. – В любом случае собиралась звонить. Передумала насчет коттеджа.

В глазах Алана вспыхнула тревога.

– Переезжаешь? К себе возвращаешься?

– Нет. Решила продать. – Мередит ждала ответа.

– Не хочу, чтобы ты делала это только для того, чтобы доставить мне удовольствие, – тихо сказал он.

– Не для того. Я хочу, чтоб ты знал, что мне не все равно. Что я не через силу согласна искать новый дом для нас обоих. Хочу... чтобы новый этап наших отношений был удачным, и готова для этого постараться. – Она положила голову ему на плечо и призналась: – Сегодня я впервые представила тебя моим партнером.

– Прекрасно. Кому?

– Яну Оукли.

– А!.. В целях самозащиты? – улыбнулся Алан, хотя глаза его не улыбались.

– Возможно, но больше не буду. Я серьезно, – мягко сказала Мередит.

Он дотянулся, взял ее за руку:

– Знаю, для тебя это крупный шаг.

Она стиснула его пальцы:

– Забавно, что не такой трудный, как я предполагала. Колебания и сомнения ни к чему не приводят. Всегда лучше сразу решиться.

– На радость и на горе?... – тихо спросил он.

– Замужество очень крупный шаг. – Мередит сделала глубокий вдох. – Я продвигаюсь, Алан, но должна сделать все в свое время.

На том пока и согласились.

Дамарис Оукли медленно поднималась по винтовой лестнице, держась за перила. Дуб гладкий как шелк, отполированный бесчисленными другими руками. За ней следует гость, волоча неуклюжий рюкзак по ступенькам. Слышно его дыхание, шуршание ткани по дереву, шорох одежды, чувствуется тепло его тела, запах мужского пота. Как будто позади крадется большой дикий зверь. Она старается преодолеть страх, старый страх, снова выплывший на поверхность.

Когда они с Флоренс были маленькими, нянька пугала их рассказами о страшном буке, который живет в темных углах и набрасывается на проходящих детей. В результате они с Флоренс и даже Артур, знавший, что мальчик должен быть храбрым, поднимались и спускались по лестницам только вместе. Крепко держались за руки для взаимного ободрения, опасливо вглядывались во все углы, взвизгивая при каждом скрипе ступеньки. Наконец отец узнал, что дети перепуганы до смерти, и устроил торжественную церемонию изгнания беса, в том числе из платяного шкафа.

И вот он вернулся. Возможно, думала Дамарис, вообще не уходил. Папа в восточном халате с тюрбаном его не провел. Он просто дождался своего часа и явился. Уже не тень, а плоть и кровь. Наша плоть, наша кровь. На другом краю своей долгой жизни она снова с ним встретилась. Бука стал реальным. Вот он, идет за ней по лестнице, как шел за двумя перепуганными девочками почти восемьдесят лет назад.

Вышли по лестнице в коридор, Дамарис прошла дальше, открыла дверь:

– Помещу тебя в башне. Надеюсь, здесь будет удобно. Там ванная. С горячей водой перебои бывают. Если захочешь ванну принять, то скажи, я бойлер зажгу. Никому это делать не позволяю. У него свой характер.

– Пожалуй, справлюсь, дорогая кузина, если вы мне разок объясните.

Большие темные глаза смотрят с мягкой насмешкой. Хотя Дамарис больше смутил не ответ, а обращение «дорогая кузина». Плевать, если он взлетит на воздух вместе с газовой колонкой, но она ему не «дорогая». Вообще невозможно представить себя чьей-то кузиной.

Видно, он заметил, как она поморщилась, и это его позабавило. Вслух не рассмеялся – хватило ума. Известно, что перед ней человек очень умный. Дамарис ужаснулась, почуввав полную беспомощность при этой мысли. Хватит ли сил для будущей битвы? Хотя ее умственные способности в полном порядке, мозги женщины восьмидесяти двух лет не поспеют за соображениями мужчины – сколько ему там? Двадцать девять, тридцать... Немыслимо молод. Хотя есть в этом молодом человеке что-то очень старое. Точно не скажешь, но вдруг стало ясно: он молод годами, но застарел в грехе, и его обращение к ней это доказывает.

Может, это несправедливо? Ее кольнула совесть. Винит человека, о котором ничего не знает, кроме случившегося сто лет назад и давно уже ушедшего в историю... Но разве можно выбросить это «на свалку истории», когда оно здесь, большое, как жизнь, улыбается из сверкающих темных глаз?

Цепляясь, как за спасательный круг, за мелкие повседневные детали, Дамарис осторожно сказала:

– Насчет еды должна объяснить. Завтракать будем, конечно, вместе. Ланч тоже подается. Мы с сестрой не ужинаем. Нам не требуется. Съедаем что-нибудь легкое – тосты, сэндвич...

Поэтому я договорилась об ужине в «Перьях». Это паб в двух минутах ходьбы по дороге. Там уже знают. Просто зайдешь, представишься хозяйке миссис Форбс.

Узнав о его приезде, они с Флоренс сразу решили, что ни в коем случае не станут готовить для мужчины. Во-первых, старая газовая плита никуда не годится, во-вторых, пришлось бы закупать продукты. Миссис Форбс поняла, охотно согласилась помочь. Разумеется, она женщина деловая, поэтому последовал довольно крутой торг. Интуиция подсказала Дамарис, что расходы на питание гостя падут на хозяйку. Из тех же соображений она не поместила его в «Перья» на полный пансион. Конечно, он им обойдется в копеечку, но она решила свести траты к минимуму. Яну будут подавать на ужин самые дешевые блюда (сосиски с пюре, бифштекс с жареной картошкой). После его отъезда миссис Форбс составит счет. Если он пожелает чего-то изысканного, миссис Форбс сразу же объяснит, что за это надо расплачиваться из своего кармана.

– Дорогая кухня Дамарис...

«Он это нарочно, – подумала она. – Видит, что мне не нравится».

– Вот увидите, я никаких хлопот не доставлю. Даже смогу помочь. С радостью сделаю все, что потребуется. Знаете, я на все руки мастер.

– У нас есть мастер, – нелюбезно отрезала она. – Рон Гладстон.

Ян потянулся к ней, выражая теперь лишь стремление угодить. Дамарис с трудом сдержала побуждение оттолкнуть его.

Если он это почувствовал, то виду не подал. Вошел в комнату, охнул и замер. Дамарис слегка про себя усмехнулась, сухо и едко.

– Портрет! – Молодой человек оглянулся, сверкая глазами. – Я его узнал! У меня есть старый снимок. Это...

– Уильям Оукли, – объявила она, глядя на него издали. Солнце почти зашло, последний лучик света тронул золоченую раму розовым пальцем. С холста на них смотрел мужчина в сюртуке, красивый, не внушающий доверия, с насмешливым темным взглядом, с полуулыбкой без тепла на красных губах. Одна рука засунута наполеоновским жестом за борт сюртука, другая лежит на книге. – Мой дед, твой прадед, – добавила Дамарис. – Я припомнила, что портрет где-то хранится, нашла, вытерла пыль и повесила в башенной комнате. По-моему, он здесь на месте.

Она оставила его распаковывать вещи, спустилась на кухню. Флоренс нарезала тоненькие кусочки хлеба, готовя к ужину сэндвичи с белковой пастой «Мармит».

– Все хорошо? – спросила она, положив хлебный нож, такой старый и истончившийся, что лезвие походило на рапиру.

«Хорошо» – неудачное слово, мысленно возразила Дамарис. Все плохо. Несчастья преследуют Оукли до последнего.

– Я сказала, если хочет ужинать, пусть отправляется в «Перья». – Дамарис взяла нож для масла, чтобы намазывать хлеб.

– Может, поест и скоро уедет, – оптимистично предположила Флоренс. – Ему будет скучно и неудобно. Еда в «Перьях» несъедобная, вечно все пережарено. А в башне очень холодно, даже в разгар лета.

– Будем надеяться, – мрачно кивнула Дамарис. – Иначе придется принять меры.

Глава 7

«Процесс по делу Уильяма Прайса Оукли, обвиняемого в убийстве его жены Кори в прошлом году, начался сегодня, породив немалое волнение. Зал суда переполнен, желающие присутствовать с рассвета выстроились в очередь. Скамьи для прессы тоже заполнены, некоторые джентльмены прибыли из Лондона. Даже представитель международного агентства новостей, открытого бароном фон Рейтером, вооруженный пером и бумагой, готовится распространить по миру подробности. Дела об убийстве вызывают большой интерес во всех концах света».

Стэнли Хакстейбл, плотный рыжеволосый молодой человек, постоянный судебный репортер «Бамфорд газетт», был доволен заметкой. По поручению работодателя он сидит на всех судебных процессах. Как правило, они длятся недолго, злодеи предстают перед судом магистрата⁴. Бамфорд не колыбель преступлений, если не считать мелких краж и обычных пьяных драк в день получки. Стэнли не часто выпадает подарок вроде убийства и присутствия в своем профессиональном качестве на выездной сессии в Оксфорде. Для жителей Бамфорда Оукли свой, местный. Они хотят знать подробности, и дело Стэнли их предоставить, поспешно возвращаясь в конце дня в город с материалом для специального вечернего выпуска, освещающего процесс.

Вся страна разделяет их любопытство. Достаточно взглянуть на довольно тесную ложу для прессы, битком набитую потными журналистами. Сидящий рядом со Стэнли представитель агентства Рейтер без конца протирает платком лоб и шею.

Стэнли уложил котелок на коленях, облизал кончик карандаша. Когда он был новичком-репортером, его учили все записывать. «Ты думаешь, будто запомнишь, мальчик, но нет, уверяю тебя!» – говорил наставник. Поэтому он тут же записал: «В суде очень жарко».

Наверняка будет еще жарче. Зал небольшой. Ложа для прессы представляет собой единственную узкую скамью, обнесенную низкой деревянной перегородкой, расположенную сбоку под прямым углом к остальным скамьям, которые тянутся от стены до стены. Напротив ложи для прессы точно так же стоят скамьи присяжных. Слева от Стэнли свидетельское место. Впереди справа лицом к присяжным сидят адвокаты. За ними пустой ряд, наполовину огороженный, – скамья подсудимых. Дальше возвышающиеся ряды серых скамей для публики, которая быстро их заполняет, толкаясь в дверях. «Как сельди в бочке, – записал Стэнли. – И пахнет так же».

Наконец все уселись в ожидании, затаили дыхание, предчувствуя драму. И драма началась. Как сценический дьявол из люка, возник обвиняемый Уильям Оукли под конвоем – сначала головы, потом туловища поднимались по узкой лестнице из подземного туннеля, соединяющего тюрьму с залом суда. Оукли проводили на место, усадив на скамью подсудимых, шеи вытянулись, головы повернулись к нему. Вот кого люди пришли увидеть – убийцу! Конвоиры уселись в том же ряду, образуя сплошную массу плотных шерстяных мундиров и багровых лиц.

Предварительные формальности быстро завершились, обвиняемый звучно провозгласил: «Невиновен!», публика высказала нескрываемое удовлетворение. В случае признания виновности слушания закрылись бы через несколько минут, все отправились бы по домам, кроме осужденного и конвоя, который повел бы его по туннелю обратно в тюрьму и в конце концов на свидание с палачом.

Обвинитель мистер Тейлор, тощий, долговязый, длинношей, поднялся, обеими руками ухватился за мантию.

– Поехали! – шепнул представитель агентства Рейтер.

⁴ Суды магистратов (мировые суды) в Британии рассматривают мелкие правонарушения, порой ведут предварительное расследование тяжких преступлений, решая вопрос о передаче дела в другие инстанции.

Зал затаил дыхание.

– Господа присяжные, – начал Тейлор. – Перед нами ужасное преступление. Ужасное по замыслу, по исполнению и, что еще ужаснее, выдаваемое за творение руки Судьбы.

Хорошее начало, решил Стэнли, записывая. У старика неплохой стиль.

– Обвиняемый Уильям Оукли, – говорил Тейлор, – женился на богатой женщине, на протяжении семейной жизни распоряжался ее деньгами и заботился о деловых интересах. Это ему было выгодно, ибо он нуждался в деньгах – он игрок, любитель скачек и женщин. Миссис Оукли вышла замуж совсем молодой, ей было лишь восемнадцать, она привыкла подчиняться решениям мужа. Однако с годами она провела о его бесконечных интрижках и, будучи уже зрелой тридцатилетней леди, а не двадцатилетней девушкой, решила принять меры. Последней соломинкой, сломавшей спину верблюда, как говорится в пословице, стали предосудительные отношения, завязавшиеся между обвиняемым и нянькой Дейзи Джосс.

Миссис Оукли ясно дала понять, что больше не собирается прощать мужа. Она не станет давать деньги на оплату его долгов, возможно, даже потребует официального развода. И тогда Уильям Оукли разработал план избавления от жены. Не исключено, что мысль об этом зародилась у него в ходе регулярных посещений химического предприятия «Лондон кемикалс», с которого жена получала определенный доход. Мышьяк – широко известный и распространенный яд – используется на этом предприятии для изготовления крысиной отравы. Нетрудно тайно раздобыть некоторое количество. Однако отравить жену обычным способом, то есть подсыпать в пищу, непросто. У Уильяма Оукли не было повода появляться на кухне во время готовки. Супруги ели за одним столом, а блюда подавала служанка. В «Лондон кемикалс» он видел, как из руды получают кристаллы мышьяка, и слышал, что в процессе выделяется очень токсичный газ. Так Уильям Оукли нашел верный способ, джентльмены.

Запасшись на заводе небольшим количеством руды, Уильям Оукли ждал подходящего случая. Случай вскоре представился. После болезненного удаления зуба жена попросила доставить из аптеки в Бамфорде настойку опия, которую приняла на ночь и под воздействием которой сначала почувствовала сонливость, потом крепко заснула. Согласно плану Оукли, жена скончается во сне, причем смерть припишут другой причине, а именно чрезмерному количеству опия. Согласно плану, Оукли удостоверится, что жена спит, приняв опий, незаметно проникнет к ней в комнату, соорудит примитивное, но эффективное приспособление для получения паров мышьяка с помощью горячей лампы. Затем уйдет, плотно закрыв окна и двери. Позже вернется, закутав рот и нос, откроет окна, чтобы выветрился запах чеснока от паров, уничтожит улики, выльет из пузырька почти весь опий, вернется к себе и будет ждать утра. К тому времени красноречивый запах чеснока улетучится, мертвая миссис Оукли будет лежать в постели, а в полной бутылочке опия, купленной накануне, останется лишь несколько капель, что будет свидетельствовать о существенном превышении предписанной дозы лекарства.

Тейлор помолчал. Проверяет реакцию присяжных, догадался Стэнли. Обвинителю нечего беспокоиться. Зал жадно ловит каждое слово.

– На деле план не удался. Принятого миссис Оукли количества опия оказалось недостаточно, чтобы она не почуяла запах чеснока. Или, возможно, ее разбудил муж, закрывший за собой дверь после установки дьявольского устройства. Она проснулась, увидела нечто странное, попыталась подняться. Увы, пары уже действовали, несчастная упала, свалив лампу. Ночная рубашка на ней вспыхнула, она скончалась, отравившись ядовитыми парами, не имея возможности сделать что-нибудь для спасения.

Затем произошло то, что Уильям Оукли не мог предвидеть. На сцене появилась экономка миссис Баттон. Она не сумела спасти хозяйку, но учуяла типичный запах чеснока и открыла окно. Если бы не открыла, господа присяжные, тоже могла умереть, надышавшись чудовищными парами. Экономка заметила среди осколков лампы некие посторонние предметы, хоть и

не поняла в тот момент, что это означает. Мы продемонстрируем, что миссис Баттон видела остатки сконструированного Уильямом Оукли устройства, разбившегося вместе с лампой.

Следствие по делу о смерти пришло к заключению, что Кора Оукли упала под действием настойки опия, уронила лампу и погибла от ожогов и шока. Защита, безусловно, подчеркнет тот факт, что миссис Баттон в свое время это не опровергла, заговорив лишь после того, как мистер Оукли ее уволил. Действительно, мистеру Оукли было неприятно ежедневно видеть женщину, которая обнаружила инкриминирующие улики. Возможно, он заподозрил, что домоправительница почувствовала запах, видела остатки дьявольского устройства и гадала, что это такое. Миссис Баттон действительно забеспокоилась и после увольнения, не считая себя обязанной перед бывшим хозяином, отправилась к родителям миссис Оукли. Их не удовлетворили объяснения гибели дочери, и они, выяснив все обстоятельства, отправили Уильяма Оукли на скамью подсудимых.

«Точно! – нацарапал Стэнли. – Только надо еще доказать, старина!»

Глава 8

Рон Гладстон стоял перед ветхой каменной постройкой, с глубоким неодобрением цыкая зубом.

– Безобразие, – сказал он вслух. – Осмелюсь заметить, внутри еще хуже.

Постройка сложена в незапамятные времена. Находится в дальнем углу участка, далеко от дома, скрытая ветвистыми кустами. Начав работать в садах Форуэйза, Рон только через неделю узнал о ее существовании. Увидев заросшую развалюху, решил, что нет никаких причин сразу ею заниматься, отвел ей последнее место в списке дел и только сегодня решил посмотреть.

Прочные каменные стены неплохо выдержали испытание временем, но крыша из рифленого железа проржавела, перекосилась, посередине совсем провалилась. В дыру наверняка годами хлещет дождь. Он несколько не удивился, обнаружив при методичном осмотре, что дерево сплошь сгнило. Отвертка входит в оконную раму и дверь, будто в сыр.

– Черт побери, – проворчал он в адрес двери. – Какой-то криворукий работал. Просела совсем.

Рон имел в виду, что створка неплотно прилегает к косякам и притолоке. Хоть и держится на ржавых петлях, но с годами провисла под собственной тяжестью, уткнулась нижним краем в землю. Заперта на засов с висячим замком, поэтому пришлось захватить отвертку. Винты оказались на редкость неподатливыми, но Рон в конце концов справился, снял железки, положил вместе с отверткой на землю. Следующая задача: смазать петли. Он взялся за ручку обеими руками и начал тянуть. На это ушло несколько минут с риском поцарапаться и занозить палец. Наконец масло сделало свое дело, и петли повернулись со скрипом. Протиснувшись в щель, он кивнул, вытащил платок, вытер лоб.

– Ух!.. Когда в последний раз открывали?

Глаза не сразу привыкли к темноте. Воздух сырой, затхлый, пахнет землей и гнилью. На одной стене окна, так густо заросшие паутиной, что ее можно принять за кружевные занавески. Треснувшие и разбитые стекла заросли грязью. Снаружи к ним плотно прижались кусты, просунув в дыры корявые пальцы и зеленые листья. Поэтому таким путем дневной свет не просачивается. Главный источник – дыра в крыше. Перед изумленным взором Рона открылись приметы давней садовой деятельности, покрытые толстым слоем пыли и паутины. Утрамбованный земляной пол раскис под дырой. Инструменты и утварь расставлены вдоль стен и в углах. Под окнами стоит длинная скамья, заваленная разбитыми глиняными цветочными горшками, поддонами для рассады, пожелтевшими пакетиками с семенами, высохшими остатками каких-то растений. Кучка камешков, как показалось с первого взгляда, оказалась при рассмотрении засохшими зернами крапчатой красной фасоли. Рон поднял один горшок, и оттуда просыпалась струйка земли, превратившейся в мелкую пыль. Как будто он гробницу вскрыл. Однако, в отличие от Говарда Картера⁵, обнаружил не «чудеса», а сплошной хлам.

– Садовый домик был, – сообщил он самому себе и продолжил осмотр.

У задней стенки громоздится какой-то необычный с виду механический агрегат, заржавевший до неподвижности: нечто среднее между двухколесной тележкой и газонокосилкой. Видно, это и есть косилка, в которую запрягли пони.

– Прямо экспонат для музея, – констатировал Рон и переключил внимание на полки на стенах с жестянками, банками и пакетами.

Все ржавое, грязное, выцветшее. Этикетки практически нечитабельны. Рон почесал подбородок. Непросто будет избавиться от всего этого, не зная, что там такое. Нельзя просто выва-

⁵ Картер Говард (1874–1939) – английский археолог, открывший гробницу Тутанхамона.

лить старые удобрения и средства от сорняков на местную свалку, где они просочатся в почву. Муниципалитет шум поднимет. Фактически туда и следует обратиться. Надо только переговорить с мисс Оукли.

Джейн Остин⁶ одобрила бы, что он всегда называет Дамарис «мисс Оукли», а Флоренс «мисс Флоренс».

– Лучше посмотрим, что у нас тут, – проворчал Рон. Полез за коробкой, открыл, подозрительно принюхался, сунул палец. Кристаллики марганцовки. Старые садоводы готовили раствор. Смутно помнятся в детстве ведра с розовой жидкостью и приказы отца осторожно поливать помидоры. А тут? Костная мука, слипшаяся в ком. Еще кристаллы. Похоже на сухую кровь.

Рон вытащил последнюю темную бутылку, придвинутую к самой стенке. Поскольку она со всех сторон была загорожена другими предметами, этикетка почти уцелела. Он поднес бутылку к свету под самопроизвольным «фонарем» в крыше, стер пыль с горлышка и ржавой пробки, нацепил очки на нос, прищурился и тихонько присвистнул в благоговейном страхе:

– Ничего себе!..

Раздались шаги. Кто-то быстро и тяжело топает по траве. Только не дамы Оукли. Что за черт? Рон поставил бутылку на полку, поспешно шагнул к двери, высунул голову и, как потом рассказывал, обмер в шоке.

Он увидел млажавого мужчину, непонятно откуда взявшегося и что тут делавшего. Оде того, по понятиям Рона, неряшливо, то есть в джинсы и рубашку, похожую на нижнюю, но надетую сверху по необъяснимой причуде. Почему-то сразу вспомнился спаниель, который у него когда-то был. Есть нечто похожее в больших темных глазах прищельца с выражением полной готовности угодить.

Тем не менее Рон преисполнился глубоких подозрений. Возможно, это грабитель, задумавший преступление. Рон горячий приверженец полицейских процедур, которые описываются в детективах. Одно из основных его убеждений заключается в том, что от любого представителя мужского пола от шестнадцати до тридцати, шатающегося вокруг без очевидной причины, добра не жди. Вдобавок парень довольно крепкий, несмотря на невинное выражение. Рон целиком вылез из домика и приготовился его выставить.

– Кого-нибудь ищите? – осведомился он с утрашающей любезностью.

– Нет. Просто сад осматриваю. – Произношение иностранное. Следовало догадаться. Обыкновенный дотошный турист.

– Это частное владение, – сурово бросил Рон.

– Знаю. – Молодой человек сунул руки в карманы, смерил собеседника взглядом с головы до ног.

Образ спаниеля растаял. Возникло впечатление, что первоначальная угодливость объяснялась тем, что незнакомец не знал, кто находится в сторожке. Увидев пожилого человека, он понял, что ему ничего не грозит. «Тут ты как раз ошибся, сынок», – мрачно подумал Рон.

– Вы здешний садовник?

Вопрос прозвучал небрежно, даже чуть презрительно, или, может быть, только так показалось. Рон ошетинился:

– Привожу сад в порядок ради мисс Оукли с сестрой. Чисто добровольно. Просто помогаю.

– Да?

Похоже, молодой человек решил сменить тон с дерзкого на дружелюбный.

– А я родственник. В гости приехал. Меня зовут Ян Оукли.

⁶ Остин Джейн (1775–1817) – английская писательница, автор романов о жизни провинциальных семейств.

– А меня Кэри Грант⁷, – саркастически объявил Рон.

Молодой человек протянул руку:

– Приятно познакомиться, мистер Грант.

– Гладстон моя фамилия, – буркнул Рон. – Гладстон!..

Молодой человек опасливо взглянул на него, как бы подозревая, что пожилой джентльмен не совсем уверен в собственной личности, и отдернул руку.

– Мисс Оукли не предупреждала, что ждет гостей, – вызывающе объявил Рон.

– Только меня одного. Почему она *вас* должна предупреждать?

Взгляд уже откровенно наглый. Впрочем, хоть вопрос невежливый, надо признать, справедливый. Почему его должны предупреждать?

– Что вы делаете в этом сарае? – полюбопытствовал Ян.

Рон снова возмутился: «Нахальный паршивец! Дать бы ему по шее. Что я тут делаю? Колдовское зелье варю! Конечно, физически с парнем не справиться. Молодой и здоровый».

Наглец с каким-то демонстративным пренебрежением прошмыгнул мимо, без разрешения сунул голову в открытую дверь, одновременно схватившись за притолоку, как будто утверждал право собственности.

– Жуткий беспорядок. Ваша сторожка? – Критическое замечание и вопрос брошены через плечо.

– Ничего подобного! – возмутился Рон. – Свою я до такого состояния никогда не довел бы! – Он постарался взять себя в руки. – Я ее просто осматриваю. Никогда раньше здесь не был. Пришлось засов свинтить. – Он кивнул на засов, отвертку и замок на земле. – По-моему, тут инструменты держали и прочее. Раз уж леди решили продать, то надо все убрать. – Он опечалился при мысли, что ему уже не удастся вернуть садовый домик к полноценной жизни.

Молодой человек, по-прежнему заглядывавший в дверь, словно замер на месте. Выпустил косяк, медленно и подозрительно оглянулся:

– Что продать?

– Дом, конечно, – пояснил Рон с возродившимися сомнениями. – Я думал, вы знаете, если родственник или кто-то еще.

– Родственник! – Тон и манеры стали вдруг столь угрожающими, что садовник отпрянул. Тогда собеседник добавил помягче: – Но не знаю, что дом продается. Спасибо, мистер Гладстон. Это меняет дело, о котором я приехал поговорить с кузинами. Надо их сейчас же найти!

Он развернулся и быстро пошел по лужайке. Рон смотрел ему вслед. Когда парень скрылся из вида, оглянулся на сторожку с тяжелым вздохом. Стоит отвлечься – к работе уже не вернешься, это установленный факт. Больше того: состоявшийся разговор очень сильно его огорчил. Впервые после появления в Форуйзе мысль о работе в саду, которую он выполнял с большим удовольствием, не доставила никакой радости. Захламленная сторожка, представлявшая прежде очень увлекательную задачу, превратилась в тяжелую, надоедливую проблему. «В другой раз почистим». Рон снова закрыл дверь, только сил не хватило навесить засов. Поднял его с земли вместе с отверткой и последовал за пришельцем. Похоже, сегодня найдутся дела ближе к дому – надо присматривать. Он с первого взгляда распознаёт хитрых мошенников, а Ян Оукли – если это его настоящее имя, – судя по всему, необычайно хитрый.

В тот вечер Джулиет Пейнтер поздно вернулась в свою лондонскую квартиру. День был утомительный и неудачный. Последний клиент – нефтяной мультимиллионер из Техаса – решил, что ему требуется английское поместье, где можно охотиться, рыбачить, устраивать корпоративные вечеринки. Доехав до самого Йоркшира для осмотра перспективной недви-

⁷ Грант Кэри (1904–1986) – английский актер, переехавший в США, лауреат премии «Оскар».

мости, она обнаружила с удивлением и недовольством, что нынешний владелец поссорился с клубом пешего туризма и вокруг усадьбы выставлен пикет.

Демонстранты выстроились плечом к плечу в разнообразных анораках, куртках с капюшонами, пестрых свитерах с Шетландских островов, плотных вязаных гамашах и грубых ботинках. В руках плакаты, провозглашающие их право ходить где угодно. Все нестройно скандируют: «Мы не отступим!»

Когда Джулиет подъехала и опустила стекло, толпа воинственно ринулась вперед. Крепкая женщина в вельветовых брюках приблизилась к окну и проревела:

– Доступ должен быть открыт для всех!

Терьер, которого она держала на поводке, прыгнул на машину передними лапами и залаял в поддержку.

– Да, – мило кивнула Джулиет, – абсолютно согласна. Значит, можно проехать?

Женщина отодвинулась с легкой растерянностью, разглядывая молодую женщину за рулем, оценивая свежий цвет лица, заплетенные косы, круглые очки.

– Член семьи? – спросила она с настойчивостью распорядительницы на свадьбе.

– Нет, – ответила Джулиет. – Даже не родственница.

Озабоченно хмурившийся бородатый мужчина взял демонстрантку за руку.

– У нас мирный протест, миссис Смедли, – предупредил он.

Та вырвалась и бросила:

– Я мирная.

Терьер гавкнул.

– Проезжайте, – обратился бородач к Джулиет через могучее плечо миссис Смедли. – Мы просто отстаиваем свои права.

– Очень хорошо, – сказала она. – А я настаиваю на своих.

Из умолкшей толпы внезапно вырвался мужчина помоложе, в таких же очках, как у Джулиет, и сунул в приоткрытое окно пачку листовок.

– Спасибо, – поблагодарила она, положив их рядом на пассажирское сиденье.

При этом толпа, будто достигнув конечной цели, расступилась перед машиной, как Красное море. Проезжая, Джулиет на всякий случай подняла стекло. Позади группа снова сплотилась так, что на всем пути к парадному входу слышалась разноголосая декламация в сопровождении громкого лая.

Ее прибытие было замечено в доме. Двери со скрипом открылись на несколько дюймов, позволив протиснуться, и мгновенно захлопнулись. В темном холле Джулиет очутилась лицом к лицу с разъяренным стариком. Не зная, то ли это владелец, то ли дворецкий, колебалась и решила проблему, представившись:

– Джулиет Пейнтер. Я письменно предупреждала.

– Вас ожидают, мисс, – сказал дворецкий (вероятнее всего). – Пожалуйста за мной.

И повел ее по лабиринту ледяных коридоров к хозяину, который смотрел в верхнее окно, по всей видимости находясь на грани апоплексического удара.

– Удачный день выбрали для визита! – приветствовал он Джулиет. – Только посмотрите на них! Какая-то распроклятая Французская революция! Толпы бьются за свои права! – На гостью взглянул налитой кровью глаз. – А как насчет моих прав, черт побери? Где они? – Он попытел минуту-другую и уже спокойнее добавил: – Хотите осмотреть дом?

Джулиет замешкалась. Впрочем, она приехала в такую даль не для того, чтобы бравировать отвагой перед современными санюлотами... Вполне можно и осмотреть, хоть хорошо известно, что увидишь. Как и ожидалось, мавзолей эдвардианской мебели и жестоких охотничьих трофеев. Оленьи рога в коридорах, побитая молью коллекция птичьих чучел и мелких млекопитающих с глазками-бусинками. Семейные портреты неодобрительно усмеваются с закопченных стен. Даже в теплый день, в начале лета, повсюду страшный холод.

После осмотра сели за ланч, поданный взбешенным дворецким, во время которого в окна заглядывали бородатые физиономии. Еда не слишком хорошая: комковатый овощной суп, жесткое холодное мясо, кусок сухого сыра, растрескавшегося, как скала в ледниковый период. Предположительно, старый слуга одновременно является и поваром. Вино, с другой стороны, превосходное. Дворецкий поставил на стол пыльную бутылку, которую высоко оценили бы на аукционе. Хотя Джулиет обычно не пьет за обедом, тем более на работе, она соблазнилась на пару бокалов. Отчасти потому, что никто не воротит нос от изысканного марочного вина, отчасти потому, что, предчувствуя дальнейшее, она нуждалась в добавочном кураже.

Потом пошли осматривать участок. Сыр напоминал о себе непрерывным бурчанием в животе, и Джулиет беспокоилась, не слышит ли хозяин. Но его внимание было приковано к другому. На всем пути их упорно преследовали головы в вязаных шапках, принадлежавшие представителям обоих полов, а порой и неопределенного пола, которые выглядывали из-за стен, из кустов, из канав, только что с неба не свешивались. Пикетчики по-прежнему потрясали плакатами и предъявляли старые карты, на которых, по их утверждению, путь свободен. Они изо всех сил старались вовлечь хозяина и гостью в беседу, продолжая настаивать, что добиваются только свободы передвижения.

В результате для Джулии свобода передвижения и наблюдения оказалась сильно ограниченной. Хотя она искренне радовалась, что стала свидетельницей происходящего. Решение сформировалось и укрепилось. Усадьба не годится.

Она уже не раз убеждалась, что право на свободу передвижения причиняет массу неприятностей. Миллионеры предпочитают интимный образ жизни. И вполне обоснованно беспокоятся насчет личной безопасности. Техасский нефтяной магнат не обрадуется, когда энтузиасты пешего туризма в анораках и крепких ботинках прорвут оборону. Он не пожелает видеть бунтующие колонны на лужайке, где забавляются высокие гости. Охота, возможно, также окажется под большим вопросом, ибо дичь будет распугана. Джулиет вычеркнула это поместье из списка.

– Прошу прощения, – обратилась она к нынешнему владельцу, снова стоявшему у окна в полном унынии, – я должна проинформировать клиента. Могу сразу сказать, ему не понравится...

– Знаю, – безутешно перебил ее хозяин. – Не упрекаю вашего клиента! – Глядя на свои охотничьи угодья, усеянные красочными фигурками участников триумфального марша протеста, он задумчиво молвил: – Знаете, чего мне хочется? Перестрелять их всех к чертовой матери!..

* * *

На обратном пути в Лондон Джулиет с сочувствием думала о владельце имения. Понимая аргументы демонстрантов и не одобряя стрельбы по птицам, она все-таки была сильно расстроена. День пропал даром. Не может быть и речи о том, чтобы техасский нефтяной магнат вступил в переговоры с туристами о доступе в его владения. Разумеется, он сможет привлечь адвокатов и даже добиться решения в свою пользу, но наживет себе местных врагов, чего лучше не делать.

Несчастный старик, снова думала она о хозяине усадьбы. Мечется по огромному мрачному дому. Возможно, не имеет родных, которые там пожелали бы жить. Возможно, не может позволить себе прислугу, даже если б ее можно было найти. Возможно, у него остался лишь чудаковатый старый дворецкий, они вдвоем стареют в холоде и неуют. Возможно, налог на наследство не выплачен и усадьба будет продана после его смерти. Естественно, он хочет продать ее сейчас и потратить какие-то деньги, прежде чем до них доберется налоговая инспекция. Переехать в коттедж со всеми удобствами. Фактически в таком же положении находятся

Дамарис и Флоренс, хотя Форуэйз гораздо меньше и не окружен обширными угодьями. Слава богу, у Оукли нет проблем с демонстрантами, которые вмешались бы в процесс продажи!

Джулиет вернулась домой поздно, первым делом расслабилась в горячей ванне. Потом приготовила себе ужин. После жуткого ланча надо поесть достойно. Дело шло к одиннадцати, она уже собралась направиться в спальню, когда вспомнила про включенный утром автоответчик. Лучше прослушать сообщения.

Их было три. Два простых, обычных. От третьего сон мигом улетучился.

Дрожащий голос, полный ужаса и тревоги – она едва узнала Дамарис, – взмолился:

«Джулиет! Знаю, тебя, может быть, нет, но, если ты дома, возьми, пожалуйста, трубку!.. Не умею обращаться с автоответчиками. Джулиет?.. Ох, тебя нет. Пожалуйста, перезвони, как только сможешь! Нам нужен твой совет. Произошло нечто ужасное...»

Глава 9

Инспектор Джонатан Вуд возвращался домой, проведя день в суде. Устал он не только потому, что день выдался долгий, но и потому, что предчувствовал впереди подобные напряженные дни. Не то чтобы он ожидал повторного вызова для дачи свидетельских показаний. Его роль сыграна. Он вернется к повседневной работе в Бамфорде, прикинется, будто занят делами, тайно гадая, что происходит в зале суда. Будет узнавать, как все прочие. Купит однажды по пути домой вечернюю газету, увидит вердикт. Виновен или невиновен. Если бы рассуждал здраво, выбросил бы из головы до тех пор. Но здравый смысл и эмоции давние враги.

Обычно он не позволяет себе гадать об исходе процесса, ибо это не его дело. Его дело задержать подозреваемого и отдать под суд. Как потом поступит закон, его не касается.

Но в данном случае невозможно отойти в сторонку, поздравляя себя с завершением своей задачи. Он ухватился за возможность продолжить расследование, с самого начала чуя, что эта смерть была выгодна Оукли. Полицейскому редко предоставляется второй шанс. Ничего удивительного, что он вцепился в него обеими руками.

И теперь в приступе самокритики спрашивает себя: не ударился ли в одержимость, заранее убедившись в виновности Оукли и позволив личной неприязни отразиться на хладнокровном осмыслении фактов?

Если так, если ошибся, в послужном списке появится черная метка, которую нелегко вытравить. Известно, что министерство внутренних дел этим следствием по-прежнему недоволено. По крайней мере, повезло, что обвинение представляет авторитетный и уважаемый барристер Тейлор, напоминающий своей тощей фигурой и длинной шеей терпеливую цаплю, которая ждет, когда серебристая рыбка промелькнет среди водорослей и камней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.